

10/74

ЛОВЕСНИК

На первой странице обложки: Фото-репортёр Владимир Чейшвили недолго раздумывал над нашим не совсем обычным заказом. Он достал пухлую папку с пленками, снятыми в дни X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине, и вскоре протянул вот этот снимок.

А заказ наш был таков — снимок о счастье.

2. СМОТРИТЕ
4. Г. Гаев. ИНЖЕНЕР ИЗ ДРЕЗДЕНА
6. Э. Баталов. КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ
8. АНКЕТА «РОВЕСНИКА»
10. Жерар Бонно. ЭТОТ МОДНЫЙ ПРОДУКТ — СЧАСТЬЕ...
12. М. Струва. ГОЛУБОЕ, КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ
16. А КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ?
19. Курт Воннегут-младший. А КТО Я ТЕПЕРЬ? РАССКАЗ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. М. Фрид. ТОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ «ШОКИНГ БЛЮ»
- Л. Герасимова, В. Зинченко. НЕМЕН БЕЗ ЗАГАДОК

Октябрь, 1974 г.

N10

ПАРИЖ. Организация ЮНЕСКО опубликовала доклад об успехе народного образования на Кубе. С 1959 по 1974 год на острове Свободы количество учащихся начальных школ увеличилось с 717 до 1898 тысяч; средних школ — с 88 до 370 тысяч; студентов вузов — с 15 до 50 тысяч. Без отрыва от производства в стране учатся 140 тысяч школьников и студентов. Новинка кубинского просвещения последних лет — так называемые «полевые» школы-интернаты, создаваемые в сельской местности. Каждая приблизительно на 500 учащихся.

МОСКВА. «Добро пожаловать, товарищ Гладис Марин!», «Мы с вами, патриоты Чили!» — такими лозунгами встречали молодых чилийских патриотов и их героического вожака — Генерального секретаря Коммунистической молодежи Чили Гладис Марин советские юноши и девушки в Москве, Донецке и Артеке, где в июле проходила традиционная VII неделя дружбы и солидарности советской и чилийской молодежи.

Выступая на митинге в Донецке, посвященном завершению недели, товарищ Гладис Марин сказала: «Дело борьбы за освобождение нашей родины от фашизма — это знамя, которое помогает нам нести и ваш народ, советская молодежь».

На снимке: хлеб-соль чилийским друзьям.

РИМ. В исследовании на тему о трудоустройстве выпускников итальянских вузов газета «Стампа» пришла к выводу, что в конце 1978 года 25 процентов выпускников технических институтов Италии будут работать не по специальности. Во многих районах страны, отмечает газета, дипломированные специалисты, дабы не оказаться без средств к существованию, работают кондукторами городского транспорта. Так, в Риме существует даже профсоюз кондукторов — выпускников вузов, насчитывающий более 150 членов.

БУЭНОС-АЙРЕС. Чилийские военные власти продолжают «чистку» учебных программ. Недавно из них были исключены еще два «опасных» произведения: староспанский эпос «Сид» и «Дон-Кихот» Сервантеса.

ТОКИО. По призыву профсоюза преподавателей сотни школьных учителей провели демонстрацию в центре японской столицы. Они протестовали против ареста 20 руководящих работников профсоюза за их участие во всеобщей забастовке преподавателей в конце прошлого учебного года. Забастовщики требовали повышения зарплаты и улучшения условий труда.

На снимке: демонстранты на улицах Токио.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

СЧАСТЬЕ — ЭТО...

СЧАСТЬЕ — ЭТО?..

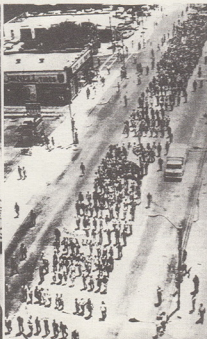
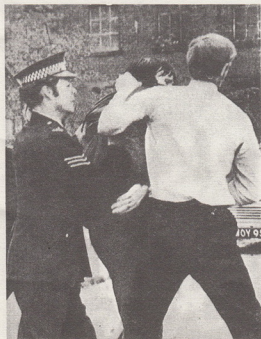
СЧАСТЬЕ — ЭТО!..

ГОВОРЯТ ВАШИ РОВЕСНИКИ,
СОЦИОЛОГИ, ЖУРНАЛИСТ.

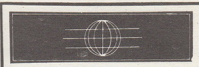
ПРАГА. Секретариат Международного союза студентов опубликовал коммюнике о поездке делегации МСС в Португалию. Делегация ознакомилась с деятельностью студенческих организаций страны в новых условиях, встретила с представителями университетов Лиссабона и Коимбры, профсоюзов и общественных организаций. В достигнутом с лидерами студенческого движения соглашении говорится об организации туристских поездок португальских студентов в европейские страны и проведении встречи по проблемам демократизации образования.

ЛОНДОН. Убийство английским полицейским участника проходившей в один из июльских дней в столице Великобритании на площади Красного льва антифашистской демонстрации Кевина Гейтли вызвало бурю возмущения среди студентов. В совместном заявлении президента университета «Уорвика», где учился Гейтли, Пити Эшби и президента Национального союза студентов Джона Рэндалла говорится: «Мы не оставим убийства без расследования, не позволим апологетам полицейских репрессий похоронить это дело. Мы убеждены, что публичное расследование подтвердит насильственный характер действий полиции, имевший место на площади Красного льва».

На снимке: английские «бобби» атакуют демонстрантов.

Вс
МТ
олодежный
елеграф

НЬЮ-ЙОРК. Среди недовольства, который в последние годы стали бойкотировать на рынках США... католические вузы и колледжи. В их числе 100-летний католический колледж в Балтиморе, духовная семинария «Лойола» неподалеку от Нью-Йорка, насчитывавший более 6 тысяч студентов колледж Парсона в штате Айова. Падение популярности католического образования отнюдь не единственная причина этого явления. Руководители высшей школы страны ссылаются на неуклонный рост стоимости обучения.

БЕРЛИН. В рамках кампании «Студенческое лето — 1974» 30 тысяч студентов республики трудились на стройках ГДР, а 2 тысячи юношей и девушек принимали участие в совместных трудовых акциях студенчества братских социалистических стран.

БУХАРЕСТ. Румынский Центр исследований молодежных проблем, объединяющий наиболее опытных педагогов, психологов и социологов, работает над специальным докладом по проблемам молодежи, который будет оглашен на съезде румынского комсомола. Директор центра профессор О. Бадина особенно высоко оценивает результаты исследований, проводимых в рамках общей программы учащимися школ и студентами. Молодежь весьма объективна в проведении исследований собственных проблем, особенно касающихся взаимоотношений: родители — родители — воспитатели.

РОЛИ. Столица американского штата Северная Каролина стала ареной грандиозного митинга в защиту гражданских свобод национальных меньшинств. Выступавшие, среди которых была известная деятельница Компартии США Анджела Дэвис, подвергли критике политику подавления национальных меньшинств, настаивали на пересмотре репрессивного антирабского законодательства, а также освобождении из заключения группы индейских активистов.

На снимке: марш участников демонстрации в городе Роли.

КАРАЧИ. В новом учебном году во всех государственных школах Пакистана отменена плата за обучение. Объявлено также о планах строительства студенческих общежитий. Только в одной провинции Пенджаб планируется построить общежития на 2575 мест.

На снимке: группа школьников из Карачи.

смотрите :

Они отвечали kein Blatt vor Mund, в буквальном переводе: не держа листок перед ртом. Так написали репортеры, бравшие интервью у рабочих одного из автомобильных заводов ГДР. Вопросы же сводились, в сущности, к одному: «Хорошо ли вам жить и работать?»

Глядя на снимок, кажется, можно не приводить их ответ.

Ну а детей, как видите, можно было и не спрашивать, хорошо ли им, как нет нужды писать о том, насколько красив Берлин — столица ГДР.

**25 ЛЕТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

25 ЛЕТ НАЗАД БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. И ВСЕ ЭТИ ГОДЫ БЫЛИ ГОДАМИ, ВОШЕДШИМИ В БИОГРАФИЮ ДИТРИХА ЛОРБЕРА, ЧЕЛОВЕКА ДОСТАТОЧНО ТИПИЧНОГО ДЛЯ МОЛОДОГО ГОСУДАРСТВА. СТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ СТАЛО СТАНОВЛЕНИЕМ И ЕГО ХАРАКТЕРА: ОН, КАК МИЛЛИОНЫ ДРУГИХ, РАЗДЕЛИЛ С НЕЙ И РАДОСТИ, И ТРУДНОСТИ, А ТЕПЕРЬ ДЕЛИТСЯ С НЕЙ СПОКОЙНОЙ УВЕРЕННОСТЬЮ В БУДУЩЕМ.

ИНЖЕНЕР ИЗ ДРЕЗДЕНА

Г. ГАЕВ
Фото Е. Захарова

Отец приходил поздно. Он несильно открывал входную дверь и просидел в спальню, но дети сразу же узнавали о его приходе: по комнатам разносился слабый запах мыла, шамфая, вальерыны — отец был фармацевтом и работал в аптеке. Первой на запах вальерыны прибежала кошка Чандра. Вторым вылетал Дитрих. С его появлением два запаха скрецивались друг с другом. От сына пахло бензином, каменной пылью, ржавчиной — всем тем, чем пахло от дрезденских мальчишек в первые послевоенные годы, когда они отыскивали в катакомбах развалины куски мебели, на которых растопить печку, выдергивали из искореженных пианино струны, из которых делали тетиву для дуков. Особенно опасно было вести «раскопки» в руинах бывших дворцов, советские саперы в первую очередь расчищали от неразорвавшихся снарядов, мин, бомб жилые кварталы, а вокруг замечательных строений Пепельмана была протянута веревка и стояли указатели: «Опасная зона». Зато в развалинах Цингера можно было отыскать несоборные, вероятно, страховые перья, стандартный обладатель которых сразу вывалился в вожжи, а то и получал титул самого вождя апки Виннету. Дети хорошо знали героев книг Карла Мая, а осторожный Чингачук и спокойный и человеколюбивый Соколинны Глаз были почти неизвестны им. Книги Купера пришли к ним спустя несколько лет, уже после образования ГДР.

Но Дитрих считал счастливыми другие дни — когда ему удавалось отыскать неповрежденный трансформатор, или целую лампу, или моток медной проволоки. От его бурной деятельности комнаты наполнялись удивительным запахом перегретой смазки или едким елеем каинофили.

Отец сравнивал свои всегда стерильно чистые, в глубоких, прорисованных едкими щелочами морщинах руки с прокопченными до черноты, покрытыми пятнами и волдырями ожогов руками сына и говорил: «Оставь свой паяльник, Дитрих, и пойдй-ка завтра со мной в аптеку. Это куда лучше. Посуди сам, ведь история вначале родила Адама, а лишь тысячелетие спустя Эдисона. Я хочу, чтобы ты стал хирургом».

И Дитрих не смел возражать. Наутро он заходил с отцом в стеклянный храм фармацевтики, каким представлялась ему аптека. Хрустальный переворот менажера и мерное качание аптекарских весов, радуга растворов и смесей тропали в его душе какие-то генетические медицинские струны, но... Вскоре умерла от недоедания сестра, и мальчика срочно отправили в местечко Вад-Либенштейн в Тюрингии, где находилась школа-интернат.

После истерзанного, искалеченного Дрездена Тюрингия показала Дитриху земным раем — высокие сосны, одетые наверху зелеными клубами хвои, маслята в траве, появившиеся по утрам сами собой, и игрушечно-маленькие паровозы на дне долины. Это было словно второе детство.

В интернате Дитрих вступил в члены общества, которое называлось тогда «Обществом для изучения культуры Советского Союза»: подлинный Советский Союз был в то время почти неизвестен немцам, родившимся при Гитлере, и мальчик впервые услышал имена великих русских писателей, музыкантов, художников, полюбил — на всю жизнь — русскую народную музыку, на записи которой и сейчас хранятся все его командировочные деньги.

Летом Дитрих приезжал к родителям. Дрезден уже начинал отстраиваться, появились первые реконструкции Цингера. Дитрих следил, как из кирпичной крошки высываются головы гривастые львы, как тщательно подгоняют реставраторы один к другому камни портиков, и этот интерес согрел гуманитарное отцовское сердце — преподаватели много писали ему о способностях сына к рисованию. Но когда в доме как-то собрались друзья отца, Дитрих, подозрившись со всеми, шепнул ему: «Папа, а знакомых инженеров у тебя нет?» — и Лорбер-старший грустно покачал головой. Правда, и сейчас в квартире Лорберов прежде всего бросаются в глаза фойе — с изображениями шедевров мировой архитектуры, и сейчас Дитрих, задумавшись, чертит карандашом дорические и ионические колонны. «Конечно же, — шутит он, — пирамиды Гизе или Кельнский собор покорнее, чем монохристалл или микросхема... Вот и архитектурные монографии выглядят

сильнее, чем справочники по электронике».

И, окончив интернат в 1954 году, Дитрих сразу же отправляет документы в Дрезденское высшее техническое училище на отделение электротехники и электроники. Хотя его школьный аттестат и был отличным, Лорбер вовсе не был уверен в том, что его примут, он понимал, что должен подкрепить свои безупречные школьные оценки настоящим делом. И оно нашлось. В ГДР в начале 50-х годов молодежь влекло в окрестности города Ауза, где были заложены шахты для добычи урановой руды.

Желающих было много, а Дитрих хотя и был первоклассником по волейболу, футболу, теннису и гимнастике, но в старом отцовском костюме выглядел довольно хрупким. И все же через два дня после приезда на шахту он уже работал отбойным молотком. Смена начиналась с расчистки штрека — убирали остатки руды после предыдущей смены. Куски черной, со свинцовым излоном породы укладывали в «собаку» — так шахтеры называли тачку — и отвозили за сотню метров до вертикального ствола. Потом нужно было пробурить отверстия для залпов в каменной стене забоя. Тонкому мастеру удавалось по малоприметным изгибам цвета скального камня, гдетеменим цвета скального камня, где лучше заложить шпур, Лорбер учился в школе буровых мастеров. Он ходил в нее каждый день по окончании смены. Работали в три смены, и школа получалась то вечерней, то утренней. Потом он стал обучать своего напарника — работать вдвоем — строго вертикально вонзать стальную иглу молотка в каменное тело. Когда работали вдвоем, дело шло лучше, и «собаки» наполнялись куда быстрее. Потом приходила проставка, и штрек наполнялся грохотом и черными кусками породы.

Стук пневматических молотков и грохот взрывов были будничными ритмами шахты, но были и случаи аритмии. Лорбер сам пережил такой, когда их заваляло в забое, потому что предыдущая смена плохо закрепила келье. Весь мир внезапно сузился до размеров каменного мешка, в котором оказались замурованы шахтеры. Только собственное дыхание через респираторную маску напоминало о том, что на земле суще-

стает жизнь, — до того тогда стало вдруг на шахте. И когда через два часа перед самым его носом блеснул кончик лопаты, а потом показалась голова в каске, для Дитриха снова раздвинулся мир, сразу и резко.

В следующем году Дитрих был принят в институт. Отличный специалист, мастер шахтной проходки, — значилось в направлении.

В студенческие годы Дитрих получил первую правительственную награду — медаль «За самоотверженную помощь при ликвидации катастрофы».

...Это случилось весной. Сессия была на носу, как вдруг по радио: «Готтлоб вышла из берегов!» Небольшая речушка Готтлоба во время весенних паводков становилась бешеной. Всем дрезденцам было памятно наводнение 1927 года, отец много рассказывал о нем, тогда погибло около ста человек. И ровно через тридцать лет новая беда. Как тогда, так и сейчас, кончился март, апрель, весна, и в водах хворост и веторосы бросились к сараю, там стоял моточик. Через сорок минут перед глазами предстала вчера еще зеленая, а теперь серая от мутной воды долина Готтлоба. Река неслась вскачь, сплывая на кусты пену бешенства. Она влекла захваченные в горах кряжи могучих деревьев и сносила ими как тараном постройки на берегу. То есть эти они раньше стояли на берегу, а теперь были по окну в воде. Куры жалобно кукаждали на крыльце, коровы испуганно мычали, всколыхнувшись в водах хворост и веторосы. Далеко не каждому добровольцу позволяли лезть в реку, но чемпиону факультета по прыжкам с трамплина — Дитрих успел захватить почетную грамоту — тут же доверили едва ли не самую опасную работу: нужно было нырять в кипящую реку, находить в мутной глубине стволы деревьев и привязывать к ним стальные цепи. Потом бульдозер трелевал деревья на сушу, подальше от русла реки.

Ворбша с Готтлобкой продолжалась несколько дней, среди спасателей Дитрих видел много людей в белых халатах. А хотя он все больше и увлекался в электронику, но именно здесь он все же решил пристать наконец к медицинскому берегу.

Заканчивая институт, он пишет дипломную работу по акустическим измерениям, но решение уже принято: он будет работать в области медицинской техники. В родном городе, кстати, сосредоточены лучшие в ГДР специалисты по медицинской электронике, здесь находятся научно-исследовательские отделы комбина та медицинской и лабораторной техники. Между прочим, не прошло даром и увлечение акустикой: прибор для объективного измерения слуха (не то что «Как вы слышите, больно?» — «Плохо, доктор» — а точные показатели величин слуха, отмеренные на шкале), созданный под руководством Лорбера, возглавлявшего коллектив еще более молодых, чем он, инженеров, получил второе место на национальной выставке «Мастеров завтрашнего дня».

А первые самостоятельные научные исследования молодого специалиста были посвящены разработке многоцелевого осциллоскопа. И сейчас эта установка — с тех пор, конечно, неоднократно улучшенная — украшает экспозицию ГДР на международных выставках. Многоцелевой — значит использующийся в самых различных медицинских

исследованиях, в комбинации с самыми разными приборами. Это значит, что разработчик должен хорошо знать, что нужно врачам и какой техники им не хватает.

Такое глубокое знакомство с клинической практикой в сочетании с изобретательным, подчас парадоксальным решением сложных проблем привело к выбору Лорбера как специалиста, который должен был выехать на монтаж оборудования больницы в городе Флорианополисе — столице бразильского острова Санта-Катарина.

Только приехав на место, Лорбер понял, насколько ответственным было поручение. Поставка медицинского оборудования во Флорианополис была одним из самых больших заказов для ГДР в области медицинской техники. Успешная работа аппаратов и приборов означала бы успех.

Дитрих Лорбер не помнит случая, дуал ли он именно об этом, когда стоял с инструментальным ящиком в руках перед грудой нераспакованных контейнеров на берегу океана, выгруженных рядом со стенами строящейся клиники. Рабочим можно было нанять, но специалиста был лишь он один. Вообще в стране было всего с десяток граждан ГДР, да и находились они за тысячу километров отсюда, в торговом порте Сан-Паулу. Он вспоминает, как приходил вечерами в гостиницу, где они снимали номер, жена жаловалась, что их пятилетняя дочь ничего не ест, никак не привыкнет к острой, праной еде, а сам с раздражением сознавал, что из головы не выходит новая рентгеновская установка, в которой никак не удавалось получить резкое изображение. Уже несколько раз он проверил все узлы — там полный порядок. И тут вспомнил, что аппарат целый день стоял в незапертой комнате. Он высочился из гостиницы, бросился к такси и, приехав в клинику, начал осматривать без осветительной аппаратуры — точно, свернули трубку, да так, что не только ухудшалось изображение, но и пациенты подвергались опасности высокой радиации...

Шло время. За три года работы в Бразилии ему пришлось не только монтировать и налаживать оборудование — на это существовали описания и инструкции по эксплуатации, но и чинить сотни приборов. Так, в Сан-Паулу он оборудовал целую мастерскую для промывки отдельных узлов, приходилось совмещать в одном лице целое бюро обслуживания и ремонта.

Когда приезжали домой в отпуск, жена отдыхала от бразильской жары, дочка с трудом переучивалась с португальского на немецкий, а отец мотался по предприятиям, заказывая новое оборудование, засучив рукава, показывая на заводах, какие изменения нужно внести в схемы, чтобы приборы работали безотказно. Увозил с собой в Бразилию целые чемоданы запчастей, но их все равно не хватало. Аналогичное оборудование поставляла в бразильские клиники известная фирма «Сименс», именовавшаяся, естественно, «Сименс до Бразил». Но в ее контрактах сидело двадцать шесть инженеров и техников, к услугам которых были десятки станций обслуживания. А Лорбер один носился по тридцати клиникам, больницам и университетам, в которых стояли медицинские приборы из ГДР, по всей стране. Если имелась проблема — на «джипе», если нет (трансамозонная

магистраль, как известно, до сих пор в проекте) — самолетом.

Какие самолеты? «Если город побольше — «каравелла», ДС-8; если поменьше — «элктра», «вискауит». Сколько налетал? «Досчитал до трехсот пятидесяти тысяч километров, а потом сбился со счета».

По приезде домой Лорбера ждала награда — медаль «За достойное представление страны за рубежом», а в канун юбилея ГДР получил еще одну — «За заслуги». Вручал ее сам обер-бургомистр Дрездена.

Если писатели — «инженеры человеческих душ», то инженеры можно, пожалуй, назвать «описателями душ машинных». Нередко бывают ситуации, когда нужно за короткий срок и в то же время основательно разобраться в сути новых приборов, например, на выставках за рубежом. Выставки новых медицинских приборов прикручиваются, как правило, к большим конгрессам хирургов, и спутники Лорбера в этих поездках, как правило, маститые знаменитости. Когда однажды Лорбер, помахиная лопкой на «молнии», промчался в министерстве здравоохранения мимо группы профессоров, один из седовласых жрецов храма здоровья, не удержавшись, бросил ему вслед:

— И этот молодой человек тоже ездил с вами на конгресс в Барселону? Навероятно! Всемирный форум хирургов, от страны выделено всего пять человек, и один из них — мальчишка...

— Позвольте возразить вам, коллега, — резко сказал собеседник. — Я был вместе с этим молодым человеком на одной выставке, и, поверьте моему слову, по возвращении он мог рассказать о новинках электронной техники, которые были показаны на выставке, в сотни раз больше любого из нас. Он смотрит на панель, отыскивает заднюю крышку — и видит прибор, на котором не хуже, чем мы пациента. Какой-нибудь вколной импеданс говорит для него не меньше, чем для нас значение гематокрита. И я сам наблюдал, как он помог растерявшемуся инженеру из шведской фирмы наладить пейсмекер.

— Вы говорите, он хороший инженер-электроник?

— Хороший? Отличный! Он руководит одним из основных отделов комбина та медицинской и лабораторной техники.

— Иными словами, это действительно неудачно выразился. И все же эта техника — дело ненадежное. У меня в клинике вот уже второй месяц не работает аппарат «искусственная почка».

— Позор! Зайдите в технический отдел, они вам мигом исправят.

— Да это аппарат, знаете ли, не наш. Фирмы «Грауенлоф». И перестаньте испепелять меня взглядами, коллеги. Мне как-никак сорок восьмой дескток, а ГДР в этом году всего четверть века.

Темой этого коллективного года Дитрих Лорбер защитил вместе со своими коллегами докторскую диссертацию на сложнейшую тему: взаимодействие между врачом и пациентом и технические аспекты этого взаимодействия. Я спросил его (в немецком языке это немаловажный момент):

— Как вас теперь называют, Дитрих?

Он засмеялся: — Конечно, доктор, звучит приятно, и отец порадовался бы, ведь это почти как врач. Но вы знаете меня как всегда. Для советских друзей я прежде всего товарищ.

КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Э. БАТАЛОВ

Двадцать пять веков спорят люди о том, «как прожить счастливо», а спору этому не видно конца. И ничего тут нет удивительного. Потому что каждый человек, вступая в жизнь, должен заново открыть для себя смысл счастья и пути к его достижению, а это редко дается без внутренней борьбы, сомнений, мучений. И потому, что то или иное представление о счастье неизменно несет на себе печать определенной эпохи, общества, классового интереса и расходится с представлениями о счастье, порожденными другими эпохами, странами, классами. Отсюда тот высокий накал страстей, без которого не обходится ни один разговор о счастье и который пронизывает сегодня всю духовную атмосферу Запада.

Это легко почувствовать, прочитав публикуемую в этом номере «Ровесника» полемическую статью французского журналиста Жерара Бонно «Этот модный продукт — счастье». Я не собираюсь комментировать спор Бонно — Повесть, предоставляя такую возможность самому читателю. Хочу лишь заметить, что и сама полемика, и позиции сторон — существенные и характерные элементы того духовного климата, в условиях которого молодое поколение Запада вступает в жизнь.

Нельзя, правда, не сказать, что многое в этом споре, как и в реальных процессах, которые он затрагивает, не столь ново и оригинально, как кажется на первый взгляд. Еще в рабовладельческом и феодальном обществе господствующие классы

предпринимали попытки внедрить в сознание «толпы» некий дешевенький и доступный идеал счастья и тем самым стабилизировать существующий общественный порядок. Правда, прежние идеалы и стандарты «массового счастья» были нередко выдержаны в аскетически-религиозных тонах. Сегодня буржуазия развитых капиталистических стран стремится ввести в моду иной идеал счастья. Популяризируется представление о счастье как о житейском комфорте, который, как уверяет реклама, доступен в той или иной форме каждому — завтра, сегодня, сейчас. «Зарабатывайте деньги. Будут деньги — будет коттедж, машина, телевизор и прочий холодильно-стиральный рай, а значит, будет счастье. Обязательно быть...» Вот, собственно, вся суть этой «философии» счастья.

Так что же, возможно, остановит меня иной читатель, нужно отказаться (во имя счастья) от холодильников, телевизоров, автомашин и других роскошных «благ цивилизации»? Приостановить рост материального благосостояния трудящихся? Нет, совсем нет. Нелепо отрицать, что для многих людей (хотя, конечно, не для всех) житейский комфорт стал сегодня важной предпосылкой счастья. Но одного комфорта для счастья все-таки мало. Ведь счастье не минутное блаженство от кружки холодного пива в жаркий день. Счастье — это чувство глубокой внутренней удовлетворенности, напряженное переживание полноты бытия... И никакие материальные блага, никакая

комфорт сами по себе не способны вызвать такое переживание. Это в первую очередь относится к молодому поколению. Не случайно протестующая молодежь Запада (от хиппи до «новых левых») с презрением отвергла официально-рекламные стандарты счастья как ложь, как умело поставленную ловушку. Сама она, правда, так и не смогла предложить альтернативной «модели» счастья, которая бы соответствовала реальным тенденциям исторического развития. И все же молодые люди ясно дали понять, что для них счастье немыслимо без свободы, без творчества, без подлинных человеческих отношений.

Однако при завышенной против потребительских идеалов инком образам не уменьшая социальной опасности той «философии счастья», которую проповедуют тот же Повесть и ему подобные. Тем более что эта «философия» проникает в сознание трудящихся. Ведь заявили же 76 процентов французов, что они в целом удовлетворены своей судьбой. Конечно, среди них наверняка немало таких, кто отдает дань «моду на счастье» и чувствует себя просто обязанным играть в счастливую человека, дабы не ударить в грязь лицом перед соседями, сослуживцами, патроном. Но ведь есть и такие, кто, вникая в рекламу, чувствует себя вполне счастливым только потому, что стал обладателем дорогого магнитофона или автомобилями новой марки. А это уже не может не настораживать.

Человек обычно судит о счастье (и несчастье) не вообще, а исходя из усвоенных им представлений о смысле жизни, о высших жизненных ценностях, о своем жизненном назначении. Но существует и обратная зависимость: та или иная «модель» счастья, будучи избрана (или насильственно внедрена в сознание) в качестве эталона, наливает человека на определенное понимание как цели и смысла жизни, так и путей их осуществления. Нетрудно «вычислить», на какие жизненные стандарты, какой тип поведения ориентирует «модель» счастья, опровергая завышенную, и к чему она могла бы в итоге привести, став всеобщим идеалом. К осуждению внутреннего мира. К деградации личности. К отчаянию. А то и к появлению тулуп, сытых, довольных (ли самодовольных) «носорогов», для которых отрывистые слова команды звучат как музыка и которые готовы с восторженными воплями растаптывать «бесполезные» цветы, выращиваемые человеком.

Конечно, пути к настоящему счастью отыскать не так легко. Тем более что универсальных рецептов счастья вообще никогда не существовало и, думаю, не появится. А вот над альтернативой «потребительского» счастья стоит поразмыслить. К таковой, размышляя, я и пришел. Она читается, пожалуй, совет древнегреческого философа Эпикура: «Следует размышлять о том, что создает счастье, если действительно, когда оно есть, у нас все есть, а когда его нет, мы все делаем, чтобы его иметь».

«СЧАСТЬЕ — ЭТО БОРЬБА»

Вспомните знаменитую «Исповедь» Карла Маркса. На вопрос: «Ваше представление о счастье?» — Маркс отвечает: «Борьба». Ответ неосознанный, но бесспорный — так он расходится с традиционными, веками складывавшимся представлением о счастье как о безмятежно-сладостном покое, нераспаленной полноте. Ответ, звучащий как девиз. Да он и был девизом жизни для целых поколений пролетарских революционеров.

Минувшее десятилетие как бы заново открыло для тысяч молодых людей Запада, выросших в обстановке послевоенных, отнюдь не «благополучных» лет, великий жизненный смысл социально-политической борьбы — открыло вопреки настоячим попыткам властей «приручить» молодое поколение и привязать его к ценностям буржуазного торгово-потребительского общества. Там, на баррикадах, а в конечном счете — на студенческих митингах семидесятых и двадцатилетие, не знающие ни бомбежек, ни голода, может быть, впервые в своей еще короткой жизни испытали подлинную радость бытия и познали мигнуты настоящего счастья.

Конечно, когда мы говорим, что счастье — в борьбе, это следует понимать, как справедливо замечает в анкете, публикуемой «Ровесником», мексиканец Александр Энзина, не в узком смысле утырляемых — взять винтовку и стрелять, хотя и такая возможность не исключается. Маркс, связывая счастье с борьбой, предстает перед нами и как дальновидный политик, и как глубокий мыслитель. Ведь в понятие «борьба» он вкладывает не только чисто политический, а и философский смысл: счастье — каков бы ни был его конкретный облик — всегда сопряжено с борьбой как с преодолением. Переживание полноты бытия, достижение глубокого внутреннего удовлетворения невозможно без самовыражения, а самовыражение — это всегда преодоление: собственной ли инертности, внешних ли обстоятельств. Мы справедливо утверждаем, что счастье — в труде. Но общественно полезный труд именно потому и способен вызвать чувство глубокого внутреннего удовлетворения, что он дает человеку возможность «раскрыться» и проявить

свои таланты, преодолеть «сопротивление материи» и в конечном итоге подняться над самим собой — «себя преодолеть», говоря словами Эмиля Верхарна.

Ну а что, казалось бы, может быть дальше от борьбы, чем «бесхитростная» радость, доставляемая человеку «простыми» проявлениями жизни — созерцанием прекрасного, особенно общением с природой. Та радость, которая вызывает внутренний трепет и подъем, напряженное чувство полноты жизни и которая столькими поэтами воспева как проявление подлинного счастья.

Много душ я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле урюмой
Счастливы тем, что я дышал и жил.

Счастливы тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве,
И зверь, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

ЭТО ЕСЕНИН. А вот Иван Бунин:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Были ли счастливы ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Можно, конечно, спорить и с Есениным, и с Буниным о типичности нарисованных картин или о мировоззренческой их стороне. Но согласиться — нужно быть поэтом, то есть человеком обостренной чувствительности, трюмником и творцом, чтобы столь искусно выразить свежест ощущений, непосредственную радость бытия. Ту радость, без которой никакой комфорт не делает вас счастливыми. Ну а прочувствовать красоту природы или тех же бунинских стихов и, приобщившись к этой красоте, испытать глубокое внутреннее удовлетворение — требует ли это усилий, борьбы? Несомненно, ибо происходит преодоление косного, безразличного отношения к миру — будь то мир людей или мир природы. Вообще всякое открытие прекрасного есть творчество, а творчество требует высокого напряжения сил души и внешнего отпора. Борьбы, может быть, даже муки. Мы слышим порой: «муки творчества». Ну а разве мы не можем сказать, как бы парадоксально это ни прозвучало: «муки счастья»? Я думаю, что настоящее счастье, как и настоящая радость (прошу не путать с «удовольствием» и «весельем»), рождается только из преодоления, из победы над «сопротивлением материи», в какой бы конкретной форме это сопротивление ни проявлялось и что бы конкретно ни представляла данная «материя». Это может быть и победа музыканта, «укротившего» свой инструмент, и победа летчика, выигравшего поединок с машиной, и победа рабочего, аязавшего верха в соревновании. Отсутствие такого «сопротивления», отсутствие жизненной цели, ориентированной на борьбу и победу, явное созерцание окружающего в сонном довольстве — нет, это не счастье, это инерция жизни, способная привести внутренне сильную личность к трагедии, к пустой растрате душевных сил. Классический пример — Илья Ильич Обломов. Ему были ведомы многие чувства. Кроме счастья.

«НЕВОЗМОЖНО БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ В ОДИНОЧЕСТВЕ»

Прочитайте внимательно ответы участников анкеты «Ровесник» — и вы заметите, что большинство молодых людей, подчеркивая глубоко интимный, субъективный характер счастья, упорно пытается при этом обнаружить и раскрыть его общественный смысл. «Приносить пользу людям, работать на всеобщее благо», «Облегчить судьбы людей, которые страдают», «Так организовать свою жизнь, чтобы в нем (в человеке) нуждался». Помочь, научить, облегчить и т. д.

Радостно видеть благородство и чистоту юных душ. Но радостно видеть и проникновение — пусть где-то стихийное — в тайны жизни, открывающиеся удивительным опытом уму. А проникновение такое налицо, ибо в ответах не только благородство, но и осознание самой природы счастья. Молодые люди — каждый по-своему — выразили то, что я условно назвал бы «законом счастья»: счастье существует только во взаимном общении людей, в их взаимодополнении. Только тогда, когда другие приобщены к «моему» счастью, а я к счастью других — только тогда «пулы» счастья сохраняют свою наполненность. («Замететь», что само слово «счастье» —

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ ?

**ОДД ТЕРЬЕ
ХАКЕНСЕН,
22 ГОДА.
ОСЛО, НОРВЕГИЯ**

Трудно толковать это понятие. Это какое-то переходное состояние. Человек может его испытать даже на пути к решению кроссворда. Все дело, умеет ли он радоваться.

Если же говорить серьезно, то для меня это состояние связано с моими надеждами на будущее. Я занимаюсь на факультете обществоведения и, наверное, буду учителем.

И вот когда-нибудь придет такой день, когда я увижу целый класс своих бывших учеников одинаково удовлетворенными. При виде такой картины даже каменная статуя будет счастливой!..

Но такого достигнуть очень не просто. Мы живем в капиталистической стране, а счастье всех возможно только при социализме. Если же взять нашу сегодняшнюю жизнь, то мы увидим, что люди у нас разобщены, что каждый старается вскарабкаться к заветной цели любой ценой, иногда даже по телам ближних.

Такого счастья себе я не желаю.

**ТОММИ ТОМПСОН,
24 ГОДА.
АРЛИНГТОН, США**

Счастье — это состояние, в котором человек не является несчастным. Возможно, так записано в словаре? Хотя это еще не определение. Что же такое для меня счастье?

Первое — здоровья. Ну, это каждому ясно.

Второе — друзья. Невозможно быть счастливым в одиночестве.

В-третьих — возможность быть хозяином самому себе. Пока я этой возможности не получил. Все вокруг меня помогает оказывать на меня давление. И родители, и преподаватели. «Старайся, Томми, будь пайкой. Ты же учишься на

доктора! Ты же станешь получать большие деньги!»

Применительно ко мне счастье в том, чтобы стать доктором. Очень многие готовы включиться в эту гонку. А гонка бешеная, участвовать в ней совсем не просто, она стоит больших сил и денег, большого напряжения. Твой преподаватель, кажется, только и думает о твоей неспособности конкурировать с другими студентами. Зато в итоге эта самая жизнь ведет вас к настоящему счастью — к положению доктора и хорошему заработкам. Все силы и все деньги, которые вы вложили в эту гонку, к вам возвращаются.

**МАЙЯ ЭГГЕРТ,
18 ЛЕТ.
ЗАЛЬЦБУРГ, АВСТРИЯ**

По-моему, счастливым станешь тогда, когда преодолешь все заботы материального характера и сможешь обратить свое внимание на духовную сторону жизни. За деньги счастья, конечно, не купишь, но они, между прочим, могут поставить соискателя в более предпочтительное положение...

Итак, для меня счастье заключается в благополучии, в любимом человеке, в работе, которая, помимо морального удовлетворения, избавит от материальных трудностей и не будет забирать мое свободное время.

**КШИШТОФ,
МЕДУШЕВСКИЙ,
21 ГОД.
СЕДЛЬЦЕ, ПОЛЬША**

Больших денег для счастья не нужно. Нужно столько, чтобы нормально жить. Я по специальности монтер, деньги зарабатывать непохотище... Счастье — это совсем другое.

Человек должен так организовать свою жизнь, чтобы в нем не нуждались, — вот что такое счастье!

**АЛЕКСАНДР
АЛЬЯНХ,
20 ЛЕТ.
ХАРЬКОВ, СССР**

Счастье, по-моему, вот какое: приносит пользу людям, работать на всеобщее благо и не боится. При этом, я думаю, можно быть счастливым, даже сознавая себя вполне рядовым работником народного хозяйства. Но важно другом: каждый человек обязан найти себя в любимом деле. В жизни как бывает? Один на работе только и смотрит на часы, как бы скорее домой. Другой же трудится не столько ради денег, сколько ради идеи. А для счастья необходимо прежде всего представлять, какому делу себя отдаешь. Удачи, как правило, радуют, трудности портят настроение. Хотя трудности меня еще и раззадоривают, заставляют собраться, что-то изменить, подумать о новом решении. Поэтому я даже их считаю необходимым компонентом счастья. Они еще больше обостряют твою радость, когда цель достигнута.

**БАРБАРА, ЭРЛИХ,
21 ГОД.
ПОРТЛЕНД, США**

Для меня, как и для многих, счастье состоит в общении с людьми, в контактах, в том, чтобы встречаться, расставаться, путешествовать.

Я неспроста выбрала сферу криминологии. Существует целая система, которая делает людей несчастными. Сколько у нас было разговоров о студенческих беспорядках, причем виноватыми чаще всего считали студентов. А дело в том, что полиция не понимает правильных требований студентов, и в этом непонимании вообще коренятся истоки зла и несправедливости в наше время...

Я хотела бы посвятить свою жизнь делу сотворения добра. Для этого я и поступила на факультет права. Я вижу свое счастье в самом процессе такой работы на благо людей, особенно на благо не-

«Ровесник» обращается к своим читателям с предложением откликнуться на анкету. Итак, каково ваше представление о счастье и путях достижения его?

КАК ТЫ БОРЕШЬСЯ ЗА НЕГО ?

АНКЕТА
„РОВЕСНИКА“

которых несчастных, которые попали в закованный круг преступной жизни. Их нужно выволочь из этого круга во что бы то ни стало.

РАФАЭЛЬ
УВИЗУНЗЕ,
27 ЛЕТ.
ГИЗЕНЬИ, РУАНДА

Счастья нет. То есть я хочу сказать, что безоблачного, абсолютного счастья — химера. Такого человека вы не найдете. Одной из каких-то важных составных частей обязательно будет недостаток. Либо одного, либо другого. Достигнете богатства, так семейная жизнь не сложится. А может случиться и наоборот... По-моему, счастья может достигнуть только обеспеченный человек, у которого есть семья и налажены контакты с его окружением. Конечно, и у этого счастливица могут быть всякие неудачи и шероховатости. Однако я ему все-таки советую остановиться и не желать для себя лучшего счастья. Потому что, если он и дальше будет его искать, то большего все равно не найдет, а может быть, даже и растеряет, что имеет.

РИЗКАЛЛА
СЕИДНАВИ,
24 ГОДА.
ДАМАСК, СИРИЯ

Когда я буду совершенно счастлив? Может быть, когда получу практику и люди с одобрением заговорят о новом докторе. Когда смогу помочь больным не только лечением их болезней, но и в материальном смысле. Тех, у кого мало денег или нет совсем, буду лечить бесплатно.

Однако я собираюсь вести себя осмысленно. Опасаясь зависти, недоброжелательства. Люди бывают разные, и не нужно забывать, что весьма существенная толика нашего счастья находится в их руках.

АЛЕХАНДРО ЭНСИНА,
30 ЛЕТ.
МЕХИКО, МЕКСИКА

Каждый для себя сам определяет пределы страны под названием Счастье. Многие представляют себе его на основании сказочных образов детства. Я считаю, взрослый человек сказать не должен! А мне, взрослому человеку с дипломом инженера, это и вовсе не к лицу. Для меня счастье наступит тогда, когда простые мексиканцы действительно будут хорошо жить. Не знаю, в какой мере я смогу людям помочь в этом — в большой, малой, но постараться это сделать обязательно, потому что хочу быть счастливым. Для себя я не смог бы придумать ничего лучшего, чем то, что предлагают основоположники моей идеологии — марксизма-ленинизма. Для них счастье — в борьбе. Не в узком смысле ультралевых — взять винтовку и стрелять, хотя и такая возможность борьбы не исключается. Борьбаться в широком смысле слова — значит поступать таким образом, чтобы людям было видно, для кого и ради чего ты стараешься, чтобы люди отчетливо поняли, где правда.

ХУАН ЭДУАРДО
МУРРЕЙ,
29 ЛЕТ.
БУЭНОС-АЙРЕС,
АРГЕНТИНА

Истинное счастье одного немислимо в отрыве от счастья общества. Я хотел бы, чтобы мне заказали выполнить проект целого города.

Я не очень надеюсь, что мне придется строить такой город. Хотя это не означает, что я буду несчастным. Человек, который хочет почувствовать себя счастливым, должен просто познать самого себя. Это нужно для того, чтобы обнаружить нити, соединяющие тебя и общество. Понять, на что способен, а уже потом по возможности раскрыть свой талант.

КАСЬЯ
БХАЙ РАДЖА,
21 ГОД.
КАТМАНДУ,
НЕПАЛ

Счастье для меня будет состоять в том, чтобы облегчить судьбы людей, которые страдают. Счастье — в улучшении положения угнетенных. Я хочу стать за годы учком. Поэтому после окончания университета я собираюсь посвятить себя изучению общества. Займусь политикой. Может быть, меня изберут депутатом. Свое счастье я вижу в том, чтобы участвовать в общественной жизни страны.

Общество моей страны стоит перед лицом сотен проблем. Поэтому, когда я стану на ноги, я не буду ограничивать своих интересов узкопрофессиональным кругом. Я не хочу уподобляться машине: есть, спать, тратить деньги, и чувствовать себя несчастным, когда все есть.

ВЛАДИСЛАВ ЛЕХ,
17 ЛЕТ.
ЛОДЗЬ, ПОЛЬША

Счастье трудно понять как общий закон, ведь у каждого оно свое. Смертельно больной Шопен был счастливым счастьем великого артиста и композитора. А Николай Островский, который боролся за счастье всего человечества!

Обыкновенный рядовой человек может быть счастливым тем, что жизнь его идет нормально, что никто не мешает ему после работы выкурить сигарету, походить по лесу, полежать на траве, почитать газету. Разве не так?

Как достигнуть счастья, вопрос сложный и бесполезный, и я не предаюсь таким мечтам. Вот вы обратите внимание — мечтательные люди часто бывают несчастными. А надо жить и радоваться жизни.

Анкеты провал
В. ДУБИНСКИЙ

АНКЕТА
„РОВЕСНИКА“

ЭТОТ МОДЕЛЬНЫЙ ПРОДУКТ — СЧАСТЬЕ...

Жерар БОННО,
французский журналист

Н ичне осенью счастье в моде, как последние работы Пикассо и галстуки для женщин. Свидетельство тому — успех книги Луи Повеля «Открытое письмо людям счастливым и имеющим для этого все основания». Для автора сомнений нет: счастье в сегодняшней Франции возможно. Более того — оно обязательно. Автор так прямо и пишет:

Разговоры о счастье, как раньше о национальном величии, идут везде. Книгу Повеля обсуждают за ужином, в газетах, по телевидению. Что касается потребительской счастья, то недавний опрос Института общественного мнения показал, что 76 процентов французов в конечном счете удовлетворены своей судьбой.

И все-таки, что есть счастье? Для индусов — получить как можно больше всего, а для других, скажем для Диогена или хиппи, — освободиться даже от радости, что у них есть, чтобы потом не разочаровываться. Для ранних христиан — понасть на крест, дабы кратчайшим путем вознестись в рай, а для большинства — избавиться от мучающего меланхолия... Счастье меняется в каждую эпоху, оно зависит от общих мнений и даже от сезона. Может быть, счастье — это волшебная неуловимая гармония между телом и духом, внешними обстоятельствами и внутренними побуждениями? Вековая мудрость гласит, что кто в деньгах счастья, а какое отношение оно имеет к политике или экономике?

Малам Диопра, одна из тех, кто отвечал на опрос Института общественного мнения, счастлива и не боится это высказать вслух. На первый взгляд в ее жизни нет ничего замечательного. Она работает секретаршей в дирекции завода, ее муж — шофер такси, они с детьми живут в пригороде, в трехкомнатной квартире, купленной в кредит. И все же, когда ее просят пояснить причину своего счастья, она отвечает: «Мое личное дело».

Повель ее одобряет. Ибо для него счастье — моральная победа каждого человека над собой. И он не жалеет sarcasme для тех наивных или жедных субъектов, которые валяя на общество все свои беды и несчастья. Завязывая автомобиль, влюбленный в сумасшедшую ездку, жаждет сменить правительство потому, что министр распорядился лимитировать скорость на шоссе. Студент, который в мае 1968 года выламывал из мостовой булыжники «эпохи распада», твердит о «репрессивном характере» общества, а для левых «счастье наступит только после всеобщего кризиса и домашнего апокалипсиса». «Каждый ненавидит общество и требует от него все, в то же время ничего не требует от себя самого», — сорукашивает автор «Открытого письма...». — «Это болезнь века».

Повель идет дальше. Душа — это, конечно, прекрасно, но она может рассчитывать только в сытом и ухоженном теле. Вот почему Повель обращается к обществу с призывом производить каждый день больше счастья и больше удовольствия. А поскольку современное западное индустриальное торговое общество справляется с последним из этих задач, оно и предоставляет человеку, по мысли Повеля, если не все счастье, то, во всяком случае, все условия для счастья.

Свое доказательство он доводит до парадокса: «Когда я прихожу в среднюю французскую семью, я вижу предметы первой необходимости: холодильник, стиральную машину, телевизор, часто — автомобиль. Я вижу также бесполезные вещи, называемые рекламой: журналы, пластинки, книги, и вот они-то и теряют нам беспрестанно: «Какое несчастье! Какое несчастье!»

Повель отрицает мнения, гласящие, что западное общество нацелено на количество в ущерб качеству, утверждает машину и ниводит человека до ее придатка, насмается механическое действие, зачеркивая творчество, вынуждает человека отворачиваться от себя самого. Порождает отчуждение, говоря марксистским термином. И чем больше общество накапливает материальных удобств, тем больше оно обкрадывает духовную жизнь. Тем несчастнее, следовательно, становятся люди.

«Я знаю вкус несчастья», — отвечает на это Повель. — «Мое детство проходило в нищем пригороде. Я ходил в школу, подложив в прохудившиеся ботинки газетную бумагу и освещая себе дорогу фонариком». Здесь он затрагивает чувствительные струны. Французы, познавшие оккупацию, жидкий эрзац-суп, вечера без света и зимы без угля, понимают такой язык. Им не надо ехать за тридевять земель в Азию или Африку, чтобы узнать, как выглядит нищета. Они вовсе не сожалеют о том, что живут лучше своих родителей (78 процентов ответов на опрос Института общественного мнения). Недовольство высказывают как раз те, кто не в силах приписать к источникам массового потребления: крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, жалующиеся на «кадский ритм работы» и «беспрестанное существование». Комфорт, возможно, и не делает счастливым, но отсутствие его делает несчастным. Это уж точно.

Повель трудно возразить, когда он говорит, что материальный прогресс сам по себе — прекрасная вещь. Было время, когда китайские императоры летом ввозили в Пекин снег с горных вершин, чтобы лакомиться дома замороженными фруктами. Сегодня благодаря холодильнику этот фокус властителей Поднебесной Империи под силу среднему французу.

Судя по опросу, французы считают, что их образ жизни все больше стандартизируется. Повель не колеблется говорить об этом как об успехе демократии. Нивелирование сверху, считает он, создает справедливость, а без чувства справедливости счастье невозможно.

Речь идет отнюдь не просто о страсти к приобретательству, как это может показаться. В их словах проскальзывает иное чувство, чем то, которое владело скаредами из классической литературы.

Доктор Пьер С. признается, что он любит рекламу: «В ней восточно видишь изобилие и выбор. Когда едешь по шоссе и видишь, как мелькают десятки марок бензина, чувствуешь себя богатым». Жаклин Р., 30 лет, объясняет, почему она любит витрины: «Денег у меня немного. Но когда я смотрю на красивые вещи, трогаю ткани и мех, покупаю к рождеству новое платье, я чувствую, как становлюсь удачливой. Если у меня плохое настроение, я иду к парикмахеру». Люсьен В., чиновник, не скрывает, что его жизнь вращается теперь вокруг идеи покупки загородного домика: «Мне кажется, что у меня бу-

дет вторая жизнь. Лучше. Не такая размеренная».

Западное общество провозгласило своим идеалом не производство, а потребление. По обе стороны Атлантики все громче слышится лозунг «Качество жизни!». Повель считает, что этот процесс необратим: «Когда человек перестает пахлячить на работе, он хочет чистоты вокруг. Во время отпусков он требует теперь роскоши прежней аристократии: уединения, тишины, зелени, чистого неба».

Итак, следует ли присудить Повелю победу ноккаутом? Дело, однако, не так просто, как кажется. Ибо счастье — странная птица: в тот момент, когда ее вот-вот готовы упрянуть в клетку, она улетает.

Те, кто полагает, что познали счастье, смахивают на героя песни Жака Дебронна, где поется: «Я счастлив. У меня есть телевизор, две программы, обе в цвете. У меня машина есть, и приемник в ней. Я счастлив!» Но каждую ночь во сне он мечтает стать аппаратом или лесным разбойником». Так и наш мир: у него свои ночные кошмары...

Повель, конечно, не может игнорировать нынешних бед: угрозы ядерной катастрофы, загрязнения среды, нищеты стран «третьего мира». Но он возмущен при виде толпы претенциозных мыслителей, псевдоэкспертов и фальшивых интеллектуалов, яростно старающихся превратить реальные трудности в мрачные предания ради удовольствия предеречь кокетства.

От Жюль Верна до Виктора Гюго XIX век рождает светлые утопии. Повель удивляется, почему наш век множит апокалипсис. Он видит в этом результат болезни, которую сам называет «синистром»¹, результат подлинного заговора, замышленного «Всемирной церковью пессимизма».

Такая постановка вопроса позволяет ему иметь на руках полную колоду козырей. Но строгого экзамена она не выдерживает. Пессимизм, слагающие вириш или манипулирующие статистическими данными, по сути, лишь эхо жизни. И если они предсказывают несчастья, они отражают подлинное беспокойство людей.

Западное общество счастливо не в силах избавиться от тревог. Оно избрало пилоты счастья — успокоители, стимуляторы, возбудители. Сегодня во Франции врачи прописывают их больше полумиллиарда штук в год. Наша молодежь, выходящая на улицы, мятущаяся в поисках наркотического рая или безудержного секса, вряд ли можно утверждать, что она счастлива. Молодежи недостаточно только комфорта и служебного повышения. Этим она по-своему отражает дух времени.

Рвущая семейные связи, манящая удовольствия заставляет забывать обо всем. Одна причина дает представление о состоянии нашего

¹ От франц. «sinistre» — мрачный, злове- щий.

Фото Анри Картье-Брессона

общества: 8 процентов взрослых в сегодняшней Франции не знают, где живут их родители, не знают даже, живы они или умерли...

Людей нельзя насильственно тянуть к такому счастью. Большая часть ворчит, потому что ее гонят к нему ускоренным марш-броском с полной выкладкой и без привалов. Отставших бросают на обочине на произвол судьбы. Один не хочет нынешнего счастья просто потому, что их приучили к иным ценностям. Другие ясно понимают, что в новом мире для них просто-напросто не будет места.

И потом, человеку всегда нужно знать, куда он идет. Не может быть ничего более пугающего и болезненного, чем лихо-

радная спешка без цели, спешка, где опыт отцов не нужен сыновьям и где десятилетия разница в возрасте уже порождает бездну. Система ничего не оставляет случайности, она безжалостна и суха, как формальная логика.

Человек мечтает узнать свою судьбу: отведенное ему лично место, оправдывающее пребывание в этом мире. Это тоже составная часть его счастья. Но индустриально-практичное общество Запада нуждается лишь во взаимозамеяемых особях. Многие французы строят свое малое индивидуальное счастье за набором «общества счастья», играя в жмурки с судьбой на тотализаторе или получая эрзац-уверенность в чтении горо-

сков. Никогда еще астрология не была столь популярна, как в наш век науки.

Со времен Сократа и Христа Запад всегда учил, что задача человека — реализовать себя как личность. Счастье заключалось в том, чтобы обрести равновесие между своими потребностями, мечтами и действиями.

Сегодня труд разложен по крохам. Кто может мечтать создать какую-нибудь вещь от начала до конца, вещь, несущую отпечаток его личности, его умения и мастерства? Человек, как бы высоко он ни стоял, отчетливо сознает, что имеет ценность только внутри организации, а не сам по себе, что организация, как река, несет его, направляет и определяет путь.

В буржуазном индустриальном обществе, превратившись лишь в средство. Никогда еще человеку не были даны такие широкие технические возможности для высказывания и самоутверждения. Никогда еще он не обладал большим досугом для того, чтобы холить свою оригинальность. Но никогда доныне у него не было настолько отобрано право быть самим собой, быть личностью. Запад, когда-то породивший личность, превратил ее сегодня в бессмысленную роскошь. Как подобная вещь не может не отразиться на идее счастья — самом личном из всех ощущений?

Упрямый француз тщится приспособить к нынешнему обществу потребления ценности, унаследованные им от предков. Он хочет иметь машину, но мечтает быть один на дороге. «Средиземноморский клуб», фирма по организации отпусков, обеспечивает горожанину кусок моря и простора. Но Робинзоном Крузо сегодня стать нельзя. Если только не купить в собственности остров... Так и идея счастья в нашем современном мире — она отдаляется по мере приближения к ней.

Истинный грех общества массового потребления в том, что он скрывает жизнь под мишурой. Скрыто или явно реклама вбивает в голову человеку, которому отпущено не так уж много лет для жизни, что между желанием и удовлетворением только один шаг. Нужно только сделать его: КУПИТЬ. Новое мыло или новые духи сразу сделают вас привлекательнее. Минеральная вода даст вам вечную молодость. Домик за городом — счастливую семью. Одним словом, счастье гарантируется за наличные или в кредит. Человека только забыли научить, как пользоваться им.

Что же случается с потребителем, если, действуя всю жизнь по рецепту, он вдруг открывает, что... счастья нет? Наступает отчаяние. Подлинное, страшное.

Между тем реклама только доводит до последней черты, до карикатуры стремление купить счастье. Какой человек станет отказываться от счастья, когда его предлагают? Но вот покупка сделана. Поэтому, когда мы задаем ему вопрос, он отвечает, что удовлетворен, и добавляет, что, возможно, это и есть счастье.

Но, может, человек создан для того, чтобы преодолевать, а не ублажать себя? Может, ему всегда нужна звезда высокого вперед? Поэтому счастьем вряд ли можно назвать холодильник и машину. Ни даже любовь и семью. Все это, конечно, очень нужно. Но нужно и еще кое-что, чего не купишь ни за какие деньги: чувство, что ты находишься на своем месте в мире...

Перевел с французского
Б. ТИШИНСКИЙ

Как известно, медицинские препараты до того, как их начинают применять в больницах и продавать в аптеках, испытываются на подопытных животных — бедных, но верно послушавших и продолжающих служить человечеству морских свинках, кроликах, мышах, собаках и, наконец, обезьянах. Однако то, что подходит для медицины, не подходит для телевидения. Телевизионщики — прошу прощения за этот неуклюжий неологизм — не могут следовать примеру эскулапов. Бессмысленно обкатывать программы и шоу на кроликах и морских свинках. Даже высокоинтеллигентные собаки и обезьяны, почтенно величаемые приматами, непригодны для этих целей...

Однажды мне довелось быть подопытным животным — не будем уточнять, каким именно, — для американского телевидения. Крупнейшая телекомпания Эн-Би-Си обкатывала новые рекламные ролики, чтобы отобрать из них наиболее эффективные. Приглашение принять участие в эксперименте я получил не в качестве журналиста, а просто так — в лотерейном порядке.

Оно по воле случая оказалось в моем почтовом ящике. Устроители подобных экспериментов рассылают приглашения, пользуясь телефонной книгой, выбирая своих «свинок» и «кроликов», так сказать, наугад. Вместо морковки приглашение сулило шариковую ручку.

Репортер по долгу службы обязан менять профессию. Это стало настолько аксиоматичным, что даже породило соответствующую рубрику. Так вот, я решил превратиться на время в павловскую собаку, а честно заработанной шариковой ручкой описать мои подопытные переживания.

Эксперимент проходил в одном из крупнейших театров на Бродвее. Театр был в простое. Мюзикл, который в нем показывали, прогорел, и владелец с радостью сдал зал в аренду. Народу набилось масса. Не думаю, что причиной тому были шариковые ручки. Просто иногда человеку хочется побыть в шкуре своих предтеч. К тому же без угрозы для здоровья и с полной гарантией возвращения своего обычного человеческого облика. (Последнее, как мы увидим впоследствии, опасное заблуждение.)

Когда все мы — «кролики», «свинки», «мыши», «собаки», «обезьяны» — расселись по местам, нам раздали обещанные шариковые ручки и кипу анкет, размеры которых привели бы в ужас даже выдавших виды кадровиков.

На сцену вышел весьма благообразный джентльмен и довольно пространно, но четко объяснил нам, что от нас требуется. Я не буду столь пространен, но постараюсь быть столь же четким.

Нам предстояло просмотреть десять рекламных роликов, а затем отметить в анкетах наиболее запомнившиеся ситуации, слова, лица — мужские и женские, предметы питания, домашнего обихода и так далее. Рекомендовалось также отметить наиболее понравившийся цвет, линию одежды, косметические аксессуары, прически...

Откровенно говоря, вслушиваясь в пояснения весьма благообразного джен-

М. СТУРА

ГОЛУБОЕ, КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Иллюстрация А. Гусева

тльмена и оглядывая своих случайных собратей по эксперименту, я думал, что они, или, во всяком случае, большинство, поступают так же, как и я, — выбрасывают анкеты в мусорные корзины или сунут их под сиденье. Но всема благообразный джентльмен, видимо, знал человеческую натуру вдоль и поперек, во всех ее измерениях, или, как любят выражаться эрудиты, во всех ипостасях.

— Те зрители, которые сдадут свои анкеты заполненными перед выходом билетерам, получают еще одну, дополнительную шариковую ручку! — возвестил он, заканчивая свой инструктаж.

И вот многие мои соседи, только что выворотившие анкеты, стремились полезть за ними. Количество, как известно, переходит в качество...

Эксперимент, участником которого мне довелось быть, — явление вполне рядовое для американского телевидения. Подобные тесты проводятся регулярно. Они разнообразны по форме, но одинаковы по содержанию: хозяева голубых экранов снимают, если можно так выразиться, психологическую электрокардиограмму своей будущей клиентуры. Но вот что любопытно — делается это не для изучения вкусов телезрителей, а для навязывания им таковых, будь то в форме идей или товаров. Собственно, ведь идеи — тоже товар.

Программы американских телевизионных компаний весьма изобретательны. Они рассчитаны буквально на все слои общества, все возрасты, все вкусы, географию, этнографию, национальные и расовые особенности — ведь чистокровного американца не существует, он фигурирует лишь в статистических данных, не более. Телевизионных компаний в Соединенных Штатах — пруд пруди. Каналов там больше, чем на Марсе. И функционируют они, по сути дела, круглосуточно. Вы можете включить свой телевизор в любое время дня и ночи, и будьте уверены, на каком-нибудь из бесчисленных каналов что-то будет происходить: кто-то кого-то будет уговаривать или любить, продавать или покупать, развлекать или зазывать.

Мы очень много пишем о насилии и сексе в американском телевидении. Насилие и секс в американском телевидении и впрямь хоть отбавляй, правда, в этом отношении оно все еще уступает пальму первенства кинематографу. Но мы очень мало пишем о другом компоненте, занимающем, я не побоюсь сказать, основное место в меню голубого экрана Америки, — мещанстве. Разумеется, пандиты голубого экрана вписывают мещанство в свое меню под совершенно иным названием — «американский образ жизни» — и подают его под совершенно иным соусом — «Американская мечта». (Это не описка. Именно с большой буквы.) Никто не знает точно, социологи спорят об этом до хрипоты, — сколько именно преступлений совершается в США под влиянием гангстерских фильмов, ковбойских лент, детективных серий.

Но если говорить об ущербе, который наносит американской нации телевидение, то никакие гангстерские фильмы, ковбойские ленты и детективные

серины не могут сравниться с так называемыми «мыльными операми». Мыло этот опер пострашнее любого кольта любого калибра. Последний, по крайней мере, гарантирует тебе мгновенную смерть и — в некоторых случаях — шанс умереть человеком. Первое постоянно, изо дня в день смывает с тебя все человеческое.

Что такое «мыльная опера»? Это, как правило, сюжет «из жизни», который разрабатывается в форме многосерийного фильма, длящегося иногда годы, а то и десятилетия, в зависимости от успеха у зрителей и рекламодателей. Рамки для «мыльной оперы» выбираются с таким расчетом, чтобы они накладывались на ситуации, приближенные к реальной действительности, и одновременно позволяли бы заводить в игру и выводить из нее как можно больше персонажей: например, «мыльная опера» из жизни врачей — к ним могут приходиться пациенты в любом количестве и качестве.

«Мыльная опера» никогда не затмивает вас в глубины человеческих трагедий, но она и не катапультирует вас в заоблачные выси «сладкой жизни». У «мыльной оперы» свои правила игры. Так, в ней не могут участвовать миллионеры. Почему? Разве стать миллионером не самая заветная мечта американца? Разумеется. Но миллионеров в Америке кучка, а телевидение в Америке смотрят миллионы. Многосерийные фильмы «из жизни миллионеров» могут привести к тому, что зритель в конце концов отчетливо поймет недостаточность своей звезды — голубой, принимая во внимание распространение цветного телевидения. А это его ожесточит. Тщетность может перерасти в зависть, а зависть, зависть, чего доброго, в ненависть.

Герои «мыльной оперы» — это затрепанно-пресловутые «простые люди», «средние американцы». Те же врачи, инженеры, фермеры, представители всевозможных профессий. Их показывают на работе и в семейном кругу. Но показывают в смещенном кадре. Они живут «чутью» лучше, чем в действительности, в меру лучше, чем в реальном мире, настолько в меру, что верится в достижения этой «чутью» и поэтому хочется ее достичь. Вот, например, «мыльная опера» под названием «Тайная буря». Ее герои — архитекторы. Они живут в квартирах, которые «чутью» лучше обычных, ездят в автомобилях, которые «чутью» лучше реальных, имеют жен и любовниц, которые «чутью» красивее настоящих.

Принцип «чутью» универсален для «мыльной оперы». Его применяют не только к профессиям. Существуют специальные «мыльные оперы» для негров, пуэрториканцев и других расовых и национальных меньшинств, населения Соединенных Штатов Америки. В течение нескольких лет компания Си-Би-Эс крутила фильм о медицинской сестре-негритянке, работавшей у зубного врача-еврея. В этом фильме внешне, казалось бы, все было «как в жизни». За небольшим исключением. Медицинская сестра-негритянка ни разу не испытала на себе расовой дискриминации, а зубной врач — еврей — антисемитизма. И Гардероб медицинской сестры был

«чутью» лучше обычного, и стоматологический кабинет врача «чутью» превышал привычные стандарты. А в остальном фильм-серия вполне отвечал реалистическим стандартам: экран был голубого цвета, кровь — красного, лица негров — черного.

Небольшое отступление. Я уже говорил, что в «мыльных операх» миллионеры не фигурируют. Не фигурируют в них и знаменитые кинорежиссеры. Актеры для «мыльных опер», как правило, подбирают посредственных, играющих «чутью» лучше простых смертных или театральных любителей. Так достовернее. Так внимание зрителя концентрируется не на звездах-знаменитостях, а на ситуации, идее.

Принцип «чутью» распространяется не только на материальные блага. Поскольку «мыльные оперы» тянутся годами, они отражают события, которые происходят на данном отрезке времени в стране. Идет война во Вьетнаме, и ее «отражают». Рост преступности и наркомании принимает угрожающие размеры, его «отражают». Пропсть между поколениями углубляется, и ее «отражают». Растут безработица и инфляция, и их тоже, представляя себе, «отражают». Но как? Чутью. На этот раз чутью — без кавычек.

Возьмем, к примеру, войну во Вьетнаме. Эта кровавая, несправедливая колониальная война длилась более десяти лет. Но «мыльные оперы» настоящей замалчивали ее. Политическая сверхзадача постепенно стала входить в противоречие с прилагательным реализмом. Телезрители каким-то шестым чувством уловили это, и успех «мыльных опер» оказался под угрозой. Тогда мозговые тресты американского телевидения начали впрыскивать вьетнамскую тему безвредными дозами в «мыльные оперы». Как правило, дело сводилось к тому, что один из героев серии попал под мобилизацию и уезжал во Вьетнам. Или его там убивали — трагическая развязка, или он возвращался — счастливый конец. Сам Вьетнам с его проблемами оставался за кадром.

Для того чтобы окончательно вытравить «нежелательные эмоции», авторы «мыльных опер» стали посылать своих героев во Вьетнам в качестве... добровольцев. Делали они это под влиянием столь модной и неотразимой несчастной любви. Проблема американских военных лоббистов также разрабатывалась на параллельных рельсах политической эксплуатации — слонюлькой сентиментальности. Скажем, возлюбленная ждет своего суженого, хотя его считают погибшим, и стойко сопротивляется соблазнам новых знакомств. Ее верность вознаграждается — «герой» военнопленный возвращается. Другая девушка оказалась менее стойкой. Она выходит замуж. Суженый возвращается. Начинается новая фаза классического любовного треугольника. А Вьетнам? Вьетнам остается за бортом. Более того, подспудно культивируется ненависть к вьетнамскому народу, который, мол, в своем упрямстве и нежелании принять принесенную на штыках и подорванную на напале западную цивилизацию развивает счастье простых американских семей.

Нечто аналогичное происходит с

проблемой преступности среди малолетних и наркоманий. Сама эта проблема дает возможность «оживить» мерное течение «мыльных опер» детективными захватками. Вспоминаю серию «Так вертится мир». Мир в этой серии вертелся вокруг мелких семейных драм и интриг, которые расцвели на роскошном фоне «чутюков» улушеней жизни приличных зарабатывающих обитателей Нью-Йорка и пригородов. Но вот газеты забили тревогу по поводу роста преступности и наркоманий. Еще бы, каждые шесть часов в Соединенных Штатах умирает один человек — жертва наркомании. Сам президент США в официальном обращении к конгрессу назвал наркоманию «национальной проблемой номер два» после инфляции. О статистике преступности говорить не буду. Она общеизвестна. И вот на каком-то этапе, подхватывая тему драм, разрабатывая ее как новую тему сезона, авторы «Так вертится мир» искусственно ввели в сюжет две новые фигуры: «отрицательную» — молодого негра, сбывающего наркотики отпрыскам «приличных людей», и «положительную» — средних лет священника, противопоставляющего крест шприцу и церковь — подпольному притону. Священник, разумеется, берет верх. Цель достигнута, многозначная цель: во-первых, вина за распространение наркомании возлагается на негритянское население, на так называемых «свиных» обитателей гетто — «плохих американских людей»; во-вторых, возвышается роль религии, которая в последнее время, как и доллар, подверглась существенной девальвации в Соединенных Штатах. (По данным Института общественного мнения Галлапа, еще никогда со времен первой мировой войны посещаемость церквей в США не опускалась до столь низкого уровня.) Как и в случае с вьетнамской войной, остаются за бортом социальные корни преступности и наркоманий, остаются за бортом люди и куты, зарабатывающие на них. Социальная трагедия девальвируется до уровня детективного пустяка, вкрапленного в мешанскую мелодраму.

А знаменитая «пропасть между поколениями»? Американская молодежь все больше и все настойчивее отвергает моральные и материальные ценности, которым поклоняется общество Желтого дьявола. Бунт молодежи многолик. Одни идут в комсомол, другие идут в хиппи. Одни обращаются к научному коммунизму, другие бегут в «коммуны», в новые природные, используют и приобщаются к животному миру, возвращаясь к жизни своих родителей. Руссо и демагоги «председателя Мао». Что ж, «мыльные оперы» тоже отражают «пропасть», вернее, пытаются перешершнуть через нее. Как правило, эта проблема трактуется по стандарту библейского сюжета о возвращении блудного сына. Парень или девушка, разумеется из «приличного семейства», на какое-то время уходит в хиппи — это дает возможность режиссерам и операторам раскрыть живописные картины «коммуны» и ищущей чувственности «блудной любви». В конце концов разочаровавшись, просит возвращения на круги жизни своих родителей, срывает бороду и оставляет баки «чутюков» подлиннее, чем у отца, если это парень, и волосы «чутюков» подлиннее, чем у матери, если это девушка. Корни,

социальные корни протеста молодежи лишь скользят по голубому экрану, не имея никакой возможности зацепиться за него.

Война во Вьетнаме, молодежное движение заставили правящие круги Соединенных Штатов еще более усилить свой карательный аппарат. Вспомним расстрел студенческих демонстраций в Кенте и Джеконе, вспомним зверские избиения мирных митингов и манифестаций в Чикаго, Вашингтоне и Нью-Йорке. Полицейский как-то сам собой стал символом жесткой фигурой, в которую трансформировался дядюшка Сэм — агрессор, реакционер, душитель свобод. Обычно полицейского в Соединенных Штатах называют «копом». Это слэнг. Он не несет никакой политической нагрузки. Но в последние годы полицейского стали называть «пиг», то есть «свинья», более того — «блудная пиг», то есть «кровавая свинья». И это уже не слэнг, а политическое клеймо, не жаргонное словечко, а плакат-вызов. Фигура полицейского превратилась в мишень.

Пропагандистский аппарат американского государственного аппарата развернул усиленную кампанию по реабилитации и героизации полиции. Телевидение, разумеется, не осталось в стороне. Оно активно включилось в эту кампанию. Поднялся целый жанровый вариант «мыльных опер» о полицейских. Мне особенно запомнились две «мыльные оперы» о полицейских. Одна называлась «Ночная патруль». Ее герои — несколько полицейских, которые патрулируют улицы Сан-Франциско на служебном черно-зеленом автомобиле. В одной серии наши герои спасают старушку из объятий пламенного дома; в другой — убеждают молодого безбратного не выбрасываться из окна небоскреба; в третьей — возвращают несчастной матери ребенка, затерявшегося в базарной суматохе. И так далее, и тому подобное. Герои-полицейские — молодые симпатичные ребята. Но просто пай-мальчики! В отличие от настоящих они удивительно милы и интеллигентны, вид у них отнюдь не отпугивающий, даже физически они мало напоминают «копов»-геркулесов. Короче, обыкновенные парни, такие, как мы с вами.

Вторая «мыльная опера» — о, если можно так выразиться, «дружнинки». Их трое — белый парень, белая девушка и парень-негр. Они «чутятся на полицейских». Пользуясь своим возрастом, наша троица проникает в мир хиппи и наркоманов и, конечно же, спасает заглобевшие души, выводит их на путь света и истины. У троицы свои «крестные отцы» — покойный полицейский инспектор, который дирижирует ее действиями, дает ей наставления — не только профессиональные, но и, так сказать, морально-этические.

«Мыльные оперы» о полиции также придерживаются принципа «чутюков». Бегущие в Соединенных Штатах полицейские переводят через улицу слепых и калек, спасают старух, задыхающихся в пожарном угаре, находят потерявшихся детей, надевают наручники на карманного ворышку, пойманного в метро или в кинотеатре. Но разве в

этом суть карательного аппарата, который содержит господствующий класс Америки?..

Когда-то было принято называть Голливуд «фабрикой снов». Он и впрямь был и в значительной степени остается фабрикой, штампующей на целлюлозной ленте сны, но сны несбыточные: о Золушках, выходящих вмаж за сказочных принцев; о чистильщиках сапог, становившихся королями Уолл-стрит; о гадких утятах, превращающихся в роскошных лебедей — кинозвезд, балерины, оперных див. Телевидение в отличие от Голливуда — «фабрика полуснов». На телевидении Золушка не выходит замуж за сказочного принца. На телевидении обыкновенная девушка находит обыкновенного парня. И они женятся. Прямо на ваших глазах. И не только в «мыльных операх», но и на самом деле. Я имею в виду серию под названием «Найди себе пару». Из аудитории приглашают нескольких парней и нескольких девушек. Их сажают в отдельные кабинеты, так чтобы они не видели друг друга. Ведущий задает им вопросы — выясняет их вкусы, симпатии и антипатии. Если у кого-то они совпадают, то ведущий делает «составительную пару» предложение от имени своей компании. Разумеется, расходы на свадьбу, на устройство молодоженов компания берет на себя. И, что вы думаете, многие соглашаются. Телевизионная любовь с первого взгляда... Как это мерзко, как унизительно, как антигуманно!

Телевидение в отличие от Голливуда — «фабрика полуснов». На телевидении чистильщик сапог не превращается в короля Уолл-стрит. Но зато ему могут подарить мотороллер, мебельный гарнитур и даже автомобиль. Фирмы, выпускающие все эти предметы и многие другие, рекламируют с помощью таких вот «подарков» свою продукцию. Телевидение делает из этой рекламы шоу. Компании платят телевидению, а расплачивается в конечном счете зритель.

Я начал свой рассказ с историей о том, как мне довелось быть подопытным телом на шоу Эн-Би-Си, вернее, ее рекламодателей. Они подлинное хозяева американского телевидения. В Соединенных Штатах шутят: что такое телевизионный спектакль, фильм, шоу? Ответ: небольшая пауза между двумя рекламными роликами. Эти ролики как раз и диктуют содержание «небольшой паузы». Вот почему вы почти никогда не увидите на экране американских телевизоров выступления симфонического оркестра, серьезную драму, настоящую, а не «мыльную» оперу. Они «чутюков» того, «чутюков» в стороне от главной магистральной.

А с голубого экрана вместо подлинного лица страны, искаженного болезненной гримасой социальных недугов, на вас смотит робот и суррогат, улыбающийся жутковатой фортификацией вставной челюсти, отползающий до умопомрачительного блеска зубной пасты фирмы «Икс», «Игрес» или «Зет» — уравнивая с тремя известными, расфигурованными как «американский образ жизни».

«с-с-с-ть» — как бы напоминает о его общественном характере, указывая на необходимость сопричастности. Если я не смогу «вовлечь» мир (пусть хотя бы в лице близких друзей) в круг своего счастья, поделиться с ними этим счастьем, то есть доставить им хотя бы частицу той радости, какую испытываю я, то я не смогу быть вполне счастливым. «Счастье личности вне общества», — заметил как-то Алексей Толстой, — невозможно, как невозможна жизнь растения, выдернутого из земли и брошенного на бесплодный песок. Быть счастливым — значит уметь дарить другим богатства своей души, свои таланты, знания. Только «растравив» себя, вы можете испытать чувство полноты, осмысленности собственного бытия в этом мире. Человек может даже пожертвовать во имя людей все, что считал идеалом жизнью — и быть счастливым, принимая свое решение. Разумеется, при том непреходящем условии, что побуждением к такой жертве (как, впрочем, и вообще ко всякому дару, всякой траве) будет источник «изнутри», глубоко уходящий корнями в «природу» этого человека. Так вдруг обнаруживается тесная взаимная связь счастья и общественного долга, напряженность и сам характер которой определяются типом господствующих в обществе отношений. Без учета этих отношений счастья не понять. Потому что счастье не только «живет» в общественных отношениях, но и рождается в них. Одно из трагических противоречий капитализма как раз в том, что счастье, сохраняя свой общественный характер, добывается каждым в одиночку — зачастую в ожесточенной борьбе, грызней, а крови. «Счастье» наступает сапогом на горло «долгу», а в итоге убивает свое общественно-гуманистическое начало и открывает путь для тирании «долга», который вдруг обнаруживается, что он вовсе и не долг, а воплощение воли господствующей верхушки. «Еще возьмем нашу сегодняшнюю жизнь», — говорит в анкете Одд Тьерье Хаксенсен из Норвегии, — то мы увидим, что люди у нас разобщены, что каждый старается вскарабкаться к заветной цели любой ценой, иногда даже по телам ближних. Такого счастья себе я не желаю. Такого счастья и в самом деле не пожелаешь никому. Хаксенсен справедливо видит выход из положения в изменении характера общественных отношений: «Мы живем в капиталистической стране, а счастье всевозможно только при социализме». Быть может, сам того не ведая, молодой норвежец повторил слова Карла Маркса, сказанные им более ста лет назад: «Коммунизм — истинное счастье всего человечества».

Ни Маркс, ни его последователи вовсе не хотят этим сказать в духе плоского оптимизма, будто коммунизм (социализм) автоматически делает всех людей счастливыми. В конце концов даже в идеальных условиях счастья не будет от тебя самого. Но коммунизм как общественный строй имеет перед капитализмом уже то неоспоримое преимущество, что он создает объективные условия для счастья большего количества людей, чем когда бы то ни было прежде. Да и не только в количестве дела, хотя это тоже немаловажно. Социализм создает предпосылки для более содержательного счастья. Счастья, ориентированного, как иногда говорят сегодня, на более высокие «качества жизни», то есть на решение такого рода творческих задач, на такие жизненные цели и такое понимание смысла жизни, какие способны удовлетворить запросы не узкого социального слоя, а человека развитого физически и духовно, обладающего тонким вкусом, разносторонними интересами, развитым сознанием и самосознанием, ставящего и решающего грандиозные задачи преобразования мира.

Однако и при социализме перед каждым, кто вступает в жизнь, всякий раз заново встает вечный вопрос — «как прожить счастливо»...

«СИНЯЯ ПТИЦА» СЧАСТЬЯ

Счастье каждого человека, словно река, питается многими источниками и зависит от множества обстоятельств. Не нужно забывать, что весьма существенная толика нашего счастья находится в их (людей... — Э. Б.) руках». В этих словах скрипского студента Ризакаллы Сенданаху немало правды. В этих руках счастья других людей, в их руках наше счастье, и, как это было подмечено не раз, трудно быть счастливым среди всеобщего несчастья. Не стоит, однако, истолковывать зависимость нашего счастья от внешних сил и обстоятельств в духе фатализма. Как и не стоит полагать, будто в подлинно свободном социалистическом обществе вся полнота ответственности за счастье каждого лежит на плечах государства. Социалистическое общество, решая общественные задачи, создает тем самым объективные предпосылки для всеобщего счастья, а значит, и берет на себя определенную долю ответственности за счастье каждого. Заметьте:

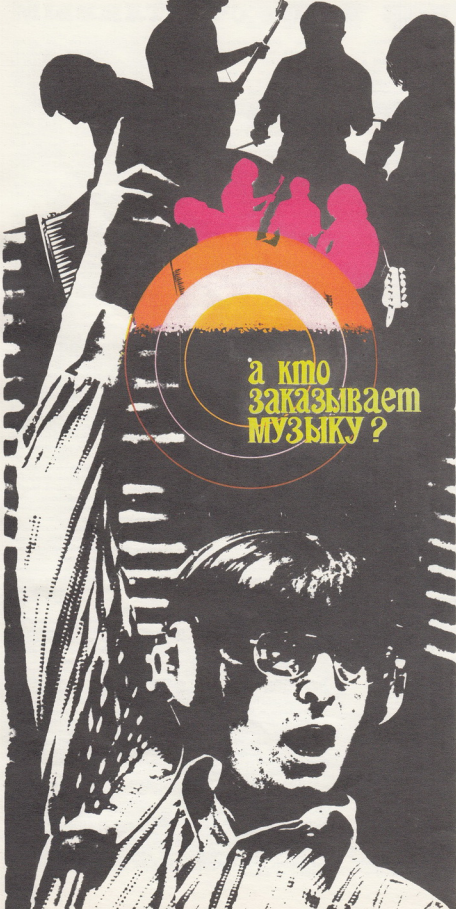
не всю ответственность, а лишь определенную ее долю. Да и не быть не может, поскольку свободное общество предоставляет каждому право и возможность самостоятельно распорядиться этими объективными предпосылками и выбрать свою дорогу к счастью. А там, где свобода выбора, там и ответственность за него. Об этом не мешало бы лишний раз напомнить: ведь случается, что люди (молодые и немолодые), у которых жизнь «не сложилась», склонны винить в этом кого угодно — семью, школу, начальство... — только не себя. Что ж, иной раз бывает и так, что, восстанавливая справедливость, приходится спрашивать и с начальства, и со школы, и с семьи. И все же в большинстве случаев человеку, обнаружившему «несовесность», а то и пустоту собственной жизни, надо бы подумать о том, что спросить за это с себя самого.

В жизни так бывает, замечает в анкете Александр Алянский, что «один на работе только и смотрит на часы, как бы скорее домой. Другой же трудится не столько ради денег, сколько ради идеи». Вот эту самую «идею», или, лучше сказать, конкретную цель, способную придать твоей жизни смысл и наполненность, и должен отыскать каждый человек. Найти счастье — это, в сущности, найти свое место в жизни, найти такое общественное дело, которое и было бы тебе по плечу, и отвечало бы твоим вкусам и интересам, давало бы тебе возможность, как говорится, «почувствовать себя человеком». Общая главная цель, но в рамках этой общей цели важно уметь определить свою жизненную цель, которая заставляла бы тебя, а не заставляла постоянно «смотреть на часы».

Конечно, для этого нужно научиться разбираться не только в окружающем мире, но и в самом себе. Как резонно замечает один из участников анкеты «Ровесника»: человек, который хочет почувствовать себя счастливым, «должен просто познать самого себя. Это нужно для того, чтобы обнаружить нити, соединяющие тебя и общество». Одного лишь самознания для счастья, правда, столь же мало, сколь и для свободы. Но советский молодец, способный к определению измышленной цели и ее практическому осуществлению, вполне способен и к развитию счастья. Как и самосознание, точнее — развитие способности к счастью. Да, именно способности — умения радоваться жизни, отдаваться «души прекрасным порывам»... Эти качества не менее нуждаются в развитии, чем, скажем, музыкальные, литературные и прочие задатки.

Смотрю иной раз на деловито-сухих и «отрешенных» молодых людей с наигранным выражением «государственной озабоченности» на лице, вижу, как человек делает из своей жизни «мероприятие», и невольно вспоминаешь чеховского «человека в футляре». У нынешних великовозрастных «футляров», понятно, не «футляры», а «надуватели» — надувание «корки», то есть модного (хотя и не модного) внешнего вида. Великовозрастные, говорят, тоже бывают по-своему счастливы, когда достигают цели, но какое это жалкое, глуповатое счастье... Нет, напуская сухость, ложная серьезность, искусственное подавление «души прекрасных порывов» не имеют ничего общего со служением великим целям и осознанием серьезности обстановки и стоящих перед обществом задач. Они обнадуют и уродуют человеческую жизнь не меньше, чем внутренняя и внешняя расхлябанность, легкомыслие и отсутствие «цери в голове».

И снова невольно вспоминаю в памяти образы великих proletарских революционеров. «Для знаменитой Карлы Лиззи», вспоминала его младшая дочь Элеонора, — нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и неприступным человеком». Напротив, близкие и товарищи знали его, продолжает Элеонора Маркс, как «самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с боющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразительным и неотразим, самого приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей...». И не случайно в упомянутой выше «биографии» Маркса повторяет знаменитое изречение: «Ничто человеческое мне не чуждо». Вот это умение радоваться жизни и стремление к определенности, тогда человек может уже считать себя счастливым, хотя бы ему пришлось упасть и умереть на дороге...

С лово «диск-жокей» еще не успел зафиксировать ни один словарь. Попробуем разобраться в нем. Диск — это пластинка. Жокей — традиционно — наездник на скачках. В буквальном переводе выходит — «человек, скачущий на пластинках». Можно и иначе. По-английски «jockey» — еще и обманщик, плут. И это придает термину, так сказать, дополнительную окраску.

Западным радиослушателям, однако, не требуется разъяснять, что такое диск-жокей: это человек, комментирующий по радио программы поп-музыки. Диск-жокей — профессия популярная, потому что от человека в дикторской кабине зависит успех вещей, успех исполнителя. Это он раздает кому хулу, а кому славу.

Создается впечатление, что диск-жокей — конечная инстанция в подборе репертуара и формировании музыкального вкуса радиопублики. Это он авторитетно заявляет, что из хаоса ритмов и мелодий действительно заслуживает внимания, что соответствует сегодняшней музыкальной моде, а что нет — ведь нельзя же прослыть безнадельно отсталым человеком! Потому и для певца нет ничего страшнее, чем молчание диск-жокея. Вот тогда это действительно провал, еще более ужасный, чем самые разгромные статьи музыкальных критиков.

Ниже мы публикуем два материала. Первый — монолог Дона Аймаса, получившего первый приз американского музыкального журнала «Билборд» в категории диск-жокеев. Его откровения по части того, как и что он произносит между музыкальными номерами, достаточно показательны. Но вот какие это номера, почему он выбирает для передачи те или иные грамзаписи — об этом ни слова. Похоже, что эта сторона его совершенно не касается.

Кто же тогда занимается подбором репертуара, кто нацеливает диск-жокея на новинки поп-музыки? Об этом рассказывает во второй статье западногерманский журналист Р. Рудорф.

Вот здесь и выясняется, что «хозяин музыкальной программы» (так часто именует себя диск-жокей) — вовсе не хозяин. В пластиночном бизнесе хозяин тот, кто вкладывает в него деньги, — фирмы грамзаписи. И занятие это чрезвычайно выгодное. В ФРГ, например, годовой капиталооборот индустрии звукозаписи достигает трех с половиной миллиардов марок. Но, как говорится, при чем тут искусство?

ДЖОН ДОНАЛД АЙМАС: «СКАЧУ НА ЗОЛОТОЙ ЛОШАДКЕ»

Вы спрашиваете, как я работаю?

Моя программа начинается ровно в 6 утра. «On the air!» Вскрывается Аймас из Нью-Йорка. Сегодня первым номером идет незабвенный шедевр Элвиса-Пресли

«Плменная любовь». Я посвящаю его девушке, пребывающей в настоящее время в беспечных родных».

Темп, темп, темп. Еще один забористый комментарий, еще одна шуточка, теперь ставим пластинку — вот так, теперь реклама, а что у нас сегодня с погодой? Музыку, пожалуйста. Так, скорей, скорей. «Я — Аймас, вы поняли? Аймас. По буквам — АЙ, Эм, Ю, Эс. Ну, запомнили?»

Я — Джон Доналд Аймас. Я — звезда. Только не в кино, и не на телевидении, и не в музыке — с музыкой ничего не вышло, пытался, несколько лет убил, и все равно не вышло.

И вот такая звезда. Я верховный диск-жокей Нью-Йорка, штата Нью-Йорк и Соединенных Штатов Америки. Сейчас я скажу еще одну глупость, и вы будете шокированы или, наоборот, польщены. Мне это нетрудно.

Сказать вам, почему у меня все это получается? Потому что я ЗНАЮ, что вам нужно. Я такой же, как вы, или был таким же, как вы. А вы попробуйте стать таким же, как я, и забыть такую же деньги, и ездить в «роллс-ройсе»! Вот меня не пускают на улицы, просят автографов, раздаю жетоны, что ли? А потом я опять поеду в свою камеру-одиночку, в свою комментаторскую кабинку и буду толковать тупому черному микрофону то, что хочу сказать всем вам.

Как я веду программу? Я созываю на свой «коктейль» вымышленных друзей — их у меня несколько, «Билли Сола» — лавочник-евангелист из тех, что именем бога ухитряется продать вам что угодно: от письменного отпущения грехов до протухших чипсов; «Старина «Крэзи Боб»» — утробным голосом он предсказывает судьбу и погоду; «Судья Хангинг» — эдакий стопроцентный американец, для которого жестокость полиции лишь забавная нистца нашей «демократии»; «Комментатор из Вашингтона» — тот брякает всякие несусветные политические «сенсации», вроде того, что Чан Кай-ши уехал с Тайваня и намеревается основать первую в истории «Национальную Китайскую республику Пуэрто-Рико». Последняя мифическая личность — сладкоговорный «Брат Лав», проведший из негритянского квартала. Он дает бедным приютам советы, как лучше использовать свои телесные достоинства.

Все эти ребята «нахально» вмешиваются в мои комментарии и трактуют музыкальные вести всяк по-своему. Тексты я пишу заранее, но, надо сказать, в написанном виде они многое теряют.

Говорят, мои передачи привлекают даже тех, кто никогда раньше не обращал внимания на поп-музыкальные программы. Хотя вот недавно я получил письмо от одной девушки. Она пишет, что перестала меня слушать: «Мне осточертели все эти ваши «я, я, я», за которыми не стоит ничего существоющего. Ну и зря».

Это наше диск-жокское дело такое — втиснуть себя, свою личность в несколько секунд между музыкальными номерами, потому что если вы не будете слушать именно меня, мои передачи, то грош мне цена как диск-жокею.

А во время церемонии вручения мне награды «Билборда» я откопал вот такую шутку — появился в облике одного из моих персонажей — «Билли Сола». Нацепил на себя белый джинсовый костюм и пасторскую черную шляпу. Негритянский «чел «Кэмпбелл» и всякие церковные гимны, а я нес в микрофон толую околесицу, что администрация не могла ни слова вернуть. Публика в зале выпара-

дела глаза — уж такого они никогда не видели. Думаю, надолго запомнят.

Правда, однажды и у меня приключилась наклад. Я тогда работал в Кливленде. Лягнул что-то во время передачи с нашим комментаторе-метеорологом, ну, он меня и привлек за клевету. Отделался легким испугом, но радости было мало.

С тех пор я стараюсь не очень разгильячиться, хотя с врагами (они у меня, конечно, есть) не церемонюсь — отделяю их в эфире так, что перья летят.

Но уж если певец мне нравится, я ему такую рекламу даю — благодарю потом, парень, Дона Аймас.

Да, вы не думайте, что мне все это просто дается. Господи, уж четыре года живу как монах. Я не пью, не курю — это туманит мозги, а мои мозги дорого стоят. У меня нет ни жены, ни детей: разошелся, мешали работать. Друзья? Нет, друзья требуют времени, а его-то мне и не хватает.

Зато теперь я король в своем деле. Я диск-жокей, я обкатываю пластинки, и даже самому норвостому слушателю не удается отбиться от себя мелодию, которую я стараюсь навязать ему. И пусть я скажу, что-нибудь уж совсем из ряда вон выходящее: за свой директор программный грозила меня прибить, — слово-то не воробей и назад его в свой приемник вы не затолкаете. Так что слушайте, друзья, или не слушайте — ваше дело.

Попытайтесь использовать мою кухню? Милости прошу. Посмотрим, что получится. Но советую запомнить: сейчас лучший диск-жокей я, я беру все призы в этой сумасшедшей скачке с препятствиями, и горе тому, кто попытается обйти меня на финише. Джон Доналд Аймас умеет работать и сейчас.

Что, уже дестя? Эй, Майк (это мой звукооператор), снимай научники. Хватит, ребята, на сегодня.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

Р. РУДОРФ,
западногерманский журналист

КАРУСЕЛЬ ДИСК-ЖОКЕЕВ

Пожоже, все радиостанции ФРГ объявили вдруг фестиваль любви к исполнителю шлагеров Юргену Маркусу: стоило только диск-жокею «Радио-Люксембург» поставить в своем хитпараде песенку Маркуса на первое место, как началась цепная реакция — в ту же неделю соседняя сарская радиостанция «Ойропазендер Заар» включила этот славящий шедевр в собственный хитпарад — третьим по счету; на гамбургском радио песня оказалась четвертой, да и в баден-баденском «Зодешт-функе» она тоже немедленно нашла место, хотя и седьмое.

Другой пример: хор «Лес-Хамфриз» выдает новинку «Мама Лул. Тут же песенка завоевывает первые места сразу в «Зюд-вестфунке» и в «Ожюгерманском радио». В последующие недели сия неприхотливая мамаша вылезает на ведущие места в хитпараде всех радиостанций ФРГ — можно подумать, будто ее возносили по меньшей мере ракеты «Аполлоны»! Фирма «Тельдак», выпускающая эту пластинку, не осталась внакладе...

Такие вещи происходят у нас в ФРГ постоянно. Хотя на музыкальный рынок выбрасывается еженедельно 150 пластинок

(а число фирм грамзаписи и организаций, занятых их распространением, равно примерно 50), на ведущие места в хитпараде западногерманских радиостанций каждую неделю выходит один и те же песни. Слушателям подается дежурное блюдо — богушля из вицга пополам со сладким соусом. Те немногие номера, которые пользуются предпочтением фабрикантов шлагеров, буквально вдвигаются в уши «эфэмам» — поклонникам. Вдвигаются одно облюбованное название за другим, поскольку никакая другая отрасль экономики в ФРГ не пользуется такой регулярной, прищельной и бесплатной рекламой по радио, как фабрика шлагеров. Правоммерно ли столь грубое определение — мафия? Да, ибо индустрия шлагеров — звездасца, а вместе с тем едва заметная общественности как организационная сила. Где бы она ни выступала, она выступает бесшумно (в полную противоположность своей продукции). Там, где она рассчитана на противодействие, не брезгует ни скрытым нажимом, ни тихим подкупом. Подобно Нью-Йоркской спиртной мафии в годы «сухого закона», мафия шлагеров обладает образцовой системой сбыта своей продукции. В систему эту входит в ФРГ, во-первых, около 10 тысяч шлагеров (танцзалов), во-вторых, около 100 тысяч музыкальных автоматов, а в — третьих — радио и телевидение.

Как же конкретно работает эта система? Хотя она и кажется громоздкой, ключик к ней очень прост. Этот ключик — диск-жокей.

В последние 20 лет мы стали свидетелями роста популярности и престижа новой профессии. Диск-жокей — потные, криклявые и болтливые люди, ставящие одну пластинку за другой, а между ними — промежутка жалкие остроты, не расставшиеся с мощными усилителями и выплюющие особым музыкальным жаргоном. Но именно эти-то суетливые люди и стали надежнейшими агентами международных концернов музыкальной моды.

Работодатели армии диск-жокеев — концерны — не считают уместным прямо оплачивать их услуги. Они скромно стоят в стороне и уступают эту сомнительную часть общественного учреждения, например радиостанции, где выступают, так сказать, диск-жокей-звезды (занятие чрезвычайно прибыльное). Ну, скажем, такие, как Дитер Хек — на народе он более известен под кличкой «Томас».

Конечно, удобно так, чтобы диск-жокеи оплачивали содержание дискотек-трактирчиков. Там для лучшего сбыта продукции трудится пятидесятная команда, пять тысяч безвестных агентов. И наконец, оплата переложена на дельцов, промышленных музыкальными автоматами. На службе у последних состоит целая армия «заряжалячиков музыкальных автоматов», которую за весьма скромные жалованье заставляют развозить по ливнушум и забегаловкам — городским.

Гордые свое миссий, эти 5 тысяч каждый вечер суетятся в дискотеках (собственных или чужих), потчуя местных фанов громкой и модной музыкой. Дискотеки оборудованы нередко в перестроенном крестьянском сарае, но назвать их старую на американско-ковбойский лад — «салуном». Прокурор салун так, что дым в нем, кажется, сбив с кола. Валит в салун в основном молодежь (как правило, до 20 лет) — здесь можно послушать модный «сонг» — песенка, а в выпить. Молодежь плателеспокоя, по крайней мере она обеспечивает диск-жокеям-частникам месячный доход от 500 до 2500 марок.

Независимо от статуса все диск-жокеи заинтересованы в одном: всегда преподнести «свое актуальное». А вот что актуально, все, решает как раз и не они. Это решают за них радиостанции, программирующие вкус и требования молодых посетителей. Навиюную молодежь винить за это трудно, если и умудренные профессиональным опытом диджеи радио и телевидения зачастую не догадываются, что сами они подвержены воздействию хитроумного механизма управления и контроля, созданного фирмами, выпускающими граммпластины.

Механизм этот работает так. Из 50 доминирующих и 100 обычных еженедельно выпускаемых на рынок пластинок определенная доля рассылается в рекламных целях бесплатно — журналистам, составителям программ на радио, и прежде всего городским и сельским диск-жокеям-частникам.

Попробуйте представить себе положение такого сельского диск-жокея. Вот он получает от фабриканта ящик бесплатных пластинок. Да не дай ему бог лишиться регулярного и бесплатного притока новинок — ведь это основа его заработка (или прибавка)! А лишиться его очень легко — стоит только диск-жокею проявить непокорность, стоит ему, «независимому предпринимателю», вообразить себя действительно независимым и начать составлять собственные независимые программы.

Разумеется, строптивый диск-жокей не станет получать писем, где фабриканты черным по белому угрожают лишить его своих даров (такимоз неосторожности фирмы себе не позволяют). Нет, его просто вычеркнут из картотеки адресатов, то есть из списка получателей бесплатных пластинок. И с этого дня оные приходят перестанут... (Что с слушниками разделяются именно так, мне, подмечая, признавались ответственные сотрудники многих музыкальных фирм.) Если злуполучный диск-жокей к тому же не сам владелец дискотеки, он вскоре будет уволен: хозяин поощит себе агента покладистей и порасторженней.

А оставшись без работы по профессии, он рискует добавиться и к из «Немецкой организации диск-жокеев» (ДДО). Организация эта (с центром в Аахене) — один из самых действенных органов управления и контроля, созданных фабрикантами для наблюдения за диск-жокеями-частниками. В ДДО самовольно распространяется некий Клаус Кирринг. Он по собственному усмотрению принимает в объединение лишнюю злиту диск-жокеев и рьяно заботится о «добром поведении» членов этой команды, выдавая им номерной членский билет. А шансы на бесплатные поставки новинок имеет лишь тот, кто может предъявить этот выданный Киррингом членский билет (злые языки прозвали его «справкой о музыкальном арийском происхождении»). Невозможно сообразить, что лишиться такого билета боится не только наемный диск-жокей, но и владелец собственной дискотеки.

Другой способ надзора — контрольные листы проигрывания пластинок, которые каждый агент обязан вести для оплаты отчислений за проигрывание. Правильность ведения этой отчетности проверяется ревизорами.

Как видим, средства просты, но эффективны. Для диск-жокея-частника лишиться притока бесплатных пластинок или лицензии ДДО на право работы в дискотеке — смерти подобно. В этой сфере

контрольный механизм, созданный фабрикантами, работает безотказно.

Меньшая и куда более могущественная группа — малые диск-жокеи — от таких программных средств давления уже не зависит. Это какая-нибудь сотня составителей программы на радио. Диск-жокеи высшего класса предпочитают более звучные названия своей профессии — например, «модераторы», «хозяева музыкальных пауз» и т. п. И ставки их гораздо выше — от 2500 до 4 тысяч марок в месяц.

Казалось бы, опираясь на финансовую независимость радиостанций, они могут с полной непринужденностью составлять программы по своему вкусу. Однако в действительности репертуар шлягеров и их музыкальных пауз и хитовых так же аккуратно совпадает с очередным набором новинок, рекламируемых фабрикантами, как это происходит в провинциальных дискотеках.

Странным это может показаться только профану, да и то лишь на первый взгляд. Если присмотреться повнимательней, обнаруживается, что радиожокеи столь же зависят от фабрикантов, как и их сельские коллеги в трактирчиках.

И многие признают эту зависимость открыто. Так, один из известных радиожокеев, Аце Шмидт с Гессенского радио, говорит: «Мы кричим и мы потеем, но собственного мнения не имеем. Его коллега Ханс Феррес уточняет: «И не диво! Ведь у нас мало средств, чтобы заказывать музыку самим. Мы вынуждены обращаться к пластинкам».

Это верно. Только не мешает задать вопрос, почему, вместо того чтобы потрудиться в каталоге звукозаписей, всегда обращаются именно к новинкам, которые предлагают фабриканты для «продвижения»?

На то также есть своя причина. Господство шлягеров-новинок основано на принципе отбора, практикуемом на всех радиостанциях. Дело в том, что составители музыкальных программ, диск-жокеи (или как они там еще называются), обязаны еженедельно знакомиться с новейшей продукцией на так называемых «комиссиях по прослушиванию». Но прослушивать по 150 пластинок каждую неделю, разумеется, не способен никто (недаром комиссии эти получили в своем кругу прозвище «камеры пыток»). В результате выбор и здесь запрограммирован: для прослушивания выбираются названия или номера пластинок, уже знакомые радиожокеям. Они заранее прочли похвалу им либо в специальных журналах (немецких или международных), либо в аннотациях, которые регулярно рассылаются пресс-бюро фирм. В конце концов у радиожокеев вырабатывается почти автоматический условный рефлекс, как у собак в опытах Павлова. Так выбор репертуара превращается в фарс.

На подбор «хитов» для очередного парада влияют, конечно, и письма радиослушателей. Почта обильна. Так, Гессенское радио (его аудитория равна 3—4 миллионам слушателей) получает на каждый хитпарад по 400—600 писем. А аргумент «слушатели пишут нам» в чести на всех радиостанциях. Между тем всякий радиожурналист знает, что письма отнюдь не выражают подлинного отношения аудитории к музыке, а образно не отражают вкуса большинства слушателей. Напротив, они способствуют диктатуре дурного вкуса пишущего меньшинства.

Дело в том, что отклики на хитпарады по большей части пишутся членами «фэн-

клубов», а их в ФРГ около тысячи. Я сам копаюсь при случае в почте, быстро обнаружив обилие повторных писем зваять τους послания «своей» звезды.

Фэнклубы — еще одно эффективное орудие в руках фабрикантов. Созданы они развездными рекламными агентами фирм граммпластинок, и удобным поводом для этого служат вечера автографов, гастроль звезд и тому подобные мероприятия. Так как фэнклубы есть клуб поклонников той или иной звезды, от членов его ничего, кроме поклонения, не требуется. Естественно, наибольшим количеством фэнклубов обзавелись те звезды, которые совершают частые туры по провинции.

Фэнклубы великая сила еще и потому, что у них есть собственная пресса: в ФРГ издается около 50 клубных газет. Газеты (как и сами клубы) живут в основном за счет субсидий — скрытых (в них печатают коммерческую рекламу) и прямых. И все 50 газет непрестанно трубят: пишите в поддержку вашей звезды и ее новой пластинки. Пишите в нашу газету и на радио!

Бравые клубники следуют этим призывам. Они пишут. Ведь довелось же им разок встретиться лично с великой звездой, и посему чувствуют они себя возведенными в дворянское звание. К тому же они непреклонным образом убеждены, что обладают верным музыкальным вкусом: стоит включить радио, и в эфире звучат как раз те мелодии, которые они просят... Круг замкнулся.

Фирмы не стесняются и в открытую подкупать людей, от которых зависит реклама той или иной шлягеры, — крупных диск-жокеев, руководителей радиопрограмм и т. д. Мне известен такой пример: несколько лет назад одна фирма, выпускающая пластинки, оборудовала частные автомобили ряда ведущих радиожокеев полными стереофоническими установками (разумеется, бесплатно, в виде «подарка»). А начальнику музыкального отдела Саверского радио, Раймунду Гессу, фирма пластинок BASF пыталась преподнести роскошный холодильник.

Для того чтобы все выглядело, так сказать, в рамках хорошего тона, фабриканты шлют презенты и авторам критических статей. Это просто-де дань связям фирм с общественностью («паблик рилейшнз»), знак уважения к прессе и к средствам массовой информации вообще. Шкала подарков простирается от авторучки до ящика вина на рождество или на день рождения. С одной стороны, фирма демонстрирует свое беспристрастие и бескорыстие, а с другой — дарит клиент! Тогда фирма подкинет еще и еще...

Конечно, развездные зарплатники музыкальных автоматов такими знаками внимания не избалованы. Это, так сказать, пехтура мифии диск-жокеев. Но и ее действительность вполне окупаются. В счетных устройствах автоматов запрограммированный вкус публики находит непосредственное цифровое отражение, принося фирмам желаемый доход. А какие пластинки при перезаезде автоматов следует изымать и какие новые вставлять, эти зарплатники знают заранее.

Словом, успех гарантирован: спустя неделю после появления в первом хитпараде новой шлягеры уже в магазинах на расхватываются автоматы, в других хитпарадах карабкается все выше и выше, гремит в дискотеках... Карусель вертится безостановочно.

Перевел с немецкого А. ЧЛЕНОВ

А КТО Я ТЕПЕРЬ?

РАССКАЗ

Курт ВОННЕГУТ-младший

„Клуб Парика и Маски» — наш любительский театральный кружок в Северном Кроуфорде — единогласно решил поставить этой весной «Трамвай «Желание» Теннесси Уильямса. Дорис Сомер у нас всегда была за режиссера, но на этот раз заявила, что ничего не получится — у нее серьезно больная мать. Вот и вышло, что эту руководящую должность навязали мне, хотя до сих пор мне приходилось руководить только рабочими, устанавливавшими комбинированные алюминиевые рамы со ставнями, которые я продавал. Конечно, я поставил кое-какие условия, когда брался за режиссерскую работу, и самое главное, чтобы Гарри Нэш — единственный стойкий актер в нашем кружке — взял ту роль, которую играл Марлон Брандо. Когда распределили роли, Гарри отсутствовал, и я не знал, возмется ли за эту роль или нет. Он вообще никогда не приходил на наши собрания. Стеснялся. Не то чтобы он пропускал собрания из-за каких-то там дел. Женат он не был и вообще с женщинами не знался — да и среди мужчин у него друзей не было. Просто он избегал всяких сборищ по одной причине: он не мог двух слов связать без готового текста.

Так что пришлось мне на другой день тащиться в скобяную лавку Миллера — Гарри у него клерком работает — и просить его согласия. По дороге я заглянул на телефонную станцию — они мне прислали счет за разговор с Голуолу, а я в жизни своей не звонил в Голуолу.

Там я и увидел эту красавицу в первый раз. Она сидела за окошечком. И она мне объяснила, что телефонная компания поставила машину-автомат для выписывания счетов, но пока эту машину не отладили как следует и она что-то пошаливает. Она приехала недавно — привезла эту машину и должна была обучить местных девушек с ней управляться.

— А вы к нам надолго? — спросил я.

— В каждом городе я живу месяца по два, сэр.

Глаза у нее были синие, прелестные глаза, только ни надежды, ни любопытства в них не было, ни проблеска. Она мне сказала, что так вот и странствует из города в город уже два года — всегда и всем чужая.

И тут мне пришло в голову, что ведь она может сыграть Стеллу в нашей пьесе. Стелла — это жена того типа, которого играет Марлон Брандо, жена человека, чью роль я хотел поручить Гарри Нэшу. Я объяснил ей, когда и где у нас назначены актерские пробы, и прибавил, что своим приходом она оскотит наш коллектив.

Она так удивилась, что даже немного ожила.

— Знаете, ведь мне первый раз в жизни предлагают принять участие в каком-то общем деле.

— Что же, — сказал я, — лучший способ сразу познакомиться со славными людьми — это сыграть с ними в одной пьесе.

Она сказала, что ее зовут Элен Шоу. Сказала, что делает сюрприз мне и себе самой. Может, просто возьмет. да и придет.

Вы, наверное, думаете, что Гарри Нэш уже оскомину набил всему Северному Кроуфорду, играя чуть ли не в каждой пьесе. Совсем наоборот: не исключено, что Северный Кроуфорд до окончания веков будет с удовольствием смотреть на Гарри Нэша, потому что на сцене он никогда не был Гарри Нэшем. Когда в спортивном зале средней школы взвивался вверх малиновый занавес, Гарри и телом и душой превращался в того человека, которого выдумал автор и создал режиссер.

Как-то кто-то заметил, что надо бы Гарри показаться психиатру: пора бы ему стать более интересным, ярким и в жизни — тогда он, по крайней мере, хоть женится, а может, и работу себе подыщет получше, чем эта писанина у Миллера за пятьдесят долларов в неделю.

Когда я зашел к Миллеру и сказал Гарри, что меня назначили режиссером и я хочу дать ему роль, он спросил, как обычно, когда ему что-нибудь предлагал роль, и, по правде сказать, это был грустоватый вопрос:

— А кто я теперь?

Актерские пробы я проводил, как всегда, в зале собрания на втором этаже нашей Публичной библиотеки. Дорис

Сойер — наш бывший режиссер — пришла поделиться со мной своим богатым опытом. Мы с ней вдвоем важно вносили надверку, а те, кто претендовал на роли, ждали внизу.

Чтобы доставить удовольствие Гарри — да и самим себе тоже, — мы попросили его читать сцену, где он быет свою жену. И он так за это взялся, что мы будто увидели новую сцену, которой у Тенниса Уильямса и в помине не было. На Гарри был короткий двубортный пиджачок, как у выпускника средней школы, со складочкой на спине, и крохотный галстучек красного цвета с лошадиной головкой. Он снял пиджак и галстук, расстегнул воротник, повернулся спиной к нам с Дорис — это он начинал себя, чтобы войти в роль. И рубашка на спине у него лопнула — хотя с виду она была совершенно новой. Это он ее нарочно порвал, чтобы с самого начала еще больше походить на Марлона Брандо.

Когда он обернулся к нам, это уже был широкоплечий красавец, самоуверенный и жестокий. Дорис подавала реплики за Стеллу, его жену, и Гарри так ее закрутил, что эта очень-очень старенькая леди почувствовала себя ошеломительной безумной девочкой, чей муж, необузданный, как горилла, вот-вот расшибет ей голову. А с нее это и на меня перекинулось. Я читал за Блانش — по пьесе это сестра Стеллы, — и провалилась мне, если Гарри не нагнал на меня такого страха, что мне показало, будто я сам стал потропанной красивой-ожанкой.

И пока мы с Дорис приходили в себя, словно просыпаясь после наркоза, Гарри ползком на стол пьесу, натянул пиджачок и снова превратился в бледного клерка из кофейной лавки.

— Ну как, как я, справился? — спросил он, и сразу было видно, что он вовсе не уверен, давая ему эту роль или нет.

— Что ж, — сказал я, — для первого раза не так уж плохо.

— Спасибо! — сказал он, пожимая мне руку.

— Скажите, вы там, внизу, не видели красивую девушку, новенькую? — спросил я. Я ждал Элен Шоу.

— Не заметил, — сказал Гарри.

Но оказалось, что Элен Шоу пришла-таки на репетицию и вдребезги разбила наши с Дорис надежды. Мы мечтали, что наш «Клуб Парки и Маски» в кои-то веки выпустит на сцену по-настоящему красивую, взрывающую молодую девушку вместо очередной выцветшей идиотки-соркалетной особы, которую приходится всеми правдами и неправдами выдавать за девушку. Но Элен Шоу играть не могла даже под страхом смерти. Что бы мы ей ни давали читать, она оставалась той же барышней с той же самой улыбкой наготове для каждого, кто придет жаловаться на телефонные счета.

— Милая, — сказала Дорис, — я хочу задать вам один интимный вопрос.

— Пожалуйста, — сказала Элен.

— Вы когда-нибудь были влюблены? — спросила Дорис. — Я только потому спрашиваю, — добавила она, — что вспоминание о любви могло бы вас согреть, оживить...

Элен склонила брови и глубоко задумалась.

— Вы знаете, я ведь все время в разведках. И там, где я бываю по службе, все мужчины уже женаты, а я нигде не задерживаюсь надолго и ни с кем другим познакомиться не успеваю.

— Ну а в школе? — спросила Дорис. — Разные там обожатели и детские влюбленности, а?

Элен и над этим вопросом глубоко задумалась и сказала:

— А мне и в школе приходилось то и дело переезжать. Папа у меня строитель, он все время ездил со стройки на стройку, так что я то с кем-то здоровалась, то прощалась... и все.

— Да-а, сказала Дорис.

— Элен, вы влюблены в кого? — спросила Элен. — Нет, конечно, не взырвалу. Я никого не видела — только на экране...

Дорис взглянула на меня, потом на потолок.

— Да-а, пожалуй, можно считать, что это тоже любовь.

Тут Элен несколько оживилась:

— Я по многу раз смотрела фильмы про любовь и мечтала, что выхожу замуж за героя.

— Угу, — сказала Дорис.

— Большое спасибо, мисс Шоу, — сказал я. — Пройдите вниз и подождите вместе со всеми. Мы вас вызовем.

Пришлось искать другую Стеллу. Но не было такой — просто не было в нашем клубе ни одной такой женщины, с которой бы жизнь не стряхнула утретнюю росу. Я вздохнул: — Ах, одношлюшка Блانش! — то есть я хотел сказать, что у нас полно увядших женщин, которые могут сыграть роль Бланиш, увядшей сестры Стеллы. — Такова жизнь: двадцать Бланиш на одну Стеллу.

— А когда находишь Стеллу, — сказала Дорис, — обнаруживается, что она понятия не имеет о любви.

Мы с Дорис решили, что надо попробовать последнее средство. Надо заставить Гарри Нэша сыграть эту сцену с Элен.

— Может, он сумеет зажечь ее хоть чуть-чуть, — сказал я.

— Эта девушка — негорючий материал, — ответила Дорис. Мы крикнули Элен, чтобы она поднялась к нам, и послали кого-то разыскивать Гарри. На пробах — и даже на репетициях — Гарри никогда не оставался со всеми. Как только кончались его реплики, он мгновенно скрывался в какое-нибудь убежище, откуда ему было слышно, если позовут.

Элен поднялась к нам наверх, и тут мы с удивлением увидели, что она вся в слезах, — стало ужасно ее жалко.

— Господи, — сказала Дорис, — да что же это, милочка, что случилось?

— Ужасно, правда? — сказала Элен, не поднимая головы.

Дорис ответила единственной фразой, которой утешают в таких случаях расстроенных актеров-любителей:

— Ну что вы, дорогая, вы... вы чудесно сыграли.

Ничего подобного, — сказала Элен. — Я холодный холдилик, сама знаю. Она расплакалась еще горше. — А что я могу поделать, если у меня такая жизнь? Я только и знала, что мечтать о кинозвездах, как идютка. А когда я встречаю славного человека в жизни, я вдруг чувствую, словно меня по-падали под стеклянный колпак, и, как бы я ни рвалась, мне даже и дотронуться до этого человека нельзя.

И Элен оттолкнула что-то, словно и вправду ее окружал стеклянный колпак.

По лестнице кто-то гулко затопал. Похоже было, что водолаз выбрывается из бездны в своих ботинках, подкованных свинцом. Это Гарри Нэш на ходу превращался в Марлона Брандо. Вот он показался в дверях — руки у него свисали чуть не до самого пола. Он уже настолько вошел в роль, что при виде плачущей женщиной притворился скривил губы.

— Гарри, познаться, пожалуйста, — сказал я, — это Элен Шоу. Элен — Гарри Нэш. Если вы будете играть Стеллу, он будет вашим мужем.

Гарри и не подумал пожать ей руку. Он сунул руки в карманы, набившись и окинул ее с ног до головы таким взглядом, будто сразу содрал с нее всю одежду. Слезы у нее высохли в мгновение ока.

— Хотелось бы, чтобы вы сыграли сцену ссоры, — сказал я. — А потом — сцену примирения.

— Илет, — сказала Гарри, не спуская глаз с Элен. От этого взгляда одежда на ней испарялась так быстро, что она и прикрыться не успевала. — Илет, если Стелл не будет ломаться.

— Что? — сказала Элен. Она стала красная, как помидор.

— Стелл — Стелла, — бросил Гарри. — Это вы Стелл, моя жена. Я раздал им тексты. Гарри выхватил у меня роль и «спасибо» не сказал. У Элен руки что-то не слушались, и мне пришлось вложить тетрадь в ее онемевшие пальцы.

— Что тут можно выискать? — спросил Гарри.

— Что? — я не понял.

— Тут в одном месте написано, что я выбрасываю из окна приемник, — сказал Гарри. — Что бросать?

Я сказал, что приемником будет железное пресс-папье, и открыл окно пошире. Элен Шоу перепугалась до смерти.

— Откуда начинать? — спросил Гарри, повел плечам, и мыши у него заходили ходуном, как у боксера, разминающегося перед боем.

— Начните на несколько реплик раньше того места, где вы бросаете приемник, — сказал я.

— О'кей, о'кей, — сказал Гарри, а сам все раскалялся, раскалялся. Он прожегал глазами ремарки. — Так-так, — сказал он. — Я выброшу приемник, она побегит за сцену, я ее догону и врежу ей разок.

— Верно, — сказал я.

— О'кей, детка, — сказал он Элен, и глаза у него сузились в щелки. — Внимание, крошка! Пошли!

Когда сцена кончилась, Элен Шоу была вся в поту, как портовый грузчик, и обмякла, как угорь без воды. Она села, приоткрыв рот, и голова у нее свесилась набок. Разделется вдребезги тот стеклянный колпак, под которым она чувствовала себя в целостности и сохранности. Какой там колпак!

— Дашь роль или нет? — зарычал на меня Гарри.

— Даю, — сказал я.

— Давно бы так... — проворчал он. — Ну, я пошел... До скорого, Стелла, — сказал он Элен и вышел, изо всех сил грохнув дверь.

— Элен? — позвал я. — Мисс Шоу?..

— М-м-м! — сказала она.

— Вы будете играть Стеллу, — сказал я. — Это грандиозно!

— Да? — сказала она.

— Не знала, что в вас столько огня, милочка, — сказала Дорис.

— Опять? — повторила Элен. По-моему, она еще не соображала, что под ней — стул или мустанг.

— Ракета! Фейерверк! Ведьмино колесо! — сказала Дорис.

И вот мы начали репетировать по четыре раза в неделю. В первую же репетицию Гарри с Элен задали такой темп, что

измотали всех участников, хотя те были увлечены как никогда. Обычно режиссер ходит и умоляет всех учить роли, но мне об этом заботиться не приходилось. Гарри и Элен работали так здорово, что все остальные считали делом чести и совести поддаться им и старались вояво.

— Мне здорово повесело — по крайней мере, я так считал. Все шло блестяще, с такой отдачей и накалом, что как-то мне пришлось сказать Гарри и Элен после одной любовной сцены:

— Знаете, надо сдерживать чуть немного. А то вы оба до премьеры не дотянете, понятно?

Я это сказал на четвертой или пятой репетиции, и рядом со мной в зале сидела Лидия Миллер — она играла Бланш, увидевшую сестрицу. В жизни она была женой Верны Миллера. Верн — владелица миллеровских скобяных лавок и хозяйка Гарри.

— Лидия, — спросил я. — Ну как, есть спектакль?

— Спектакль-то есть, это точно, — отвечала она. Но она сказала это с таким выражением, будто я натворил бод знает чего, будто я ужасный преступник. Можете гордиться.

— Что вы хотите сказать? — спросил я. Мне-то казалось, что я вправе радоваться и гордиться. — Разве что-то происходит за моей спиной?

— А вы не заметили, что эта девушка влюблена в Гарри?

— По песне? — спросил я.

— При чем тут песня! — сказала Лидия. — Вы только посмотрите на нее — сейчас-то никакого спектакля нет. — Она невесело усмехнулась. — Эту песню ставите вовсе не вы.

— А кто же? — спросил я.

— Мать Природа, и она уж спуску не даст, — сказала Лидия. — Только подумать, что станется с бедной девочкой, когда она поймет, какой Гарри на самом деле. — Но она сразу же поправила себя: — То есть поймет, что он никакой.

Я вмешиваться не стал — решил, что не мое это дело. Я слышал, как Лидия пыталась что-то предпринять, только ничего у нее не вышло.

— Знаете, — сказала Лидия Элен однажды вечером, — я как-то играла Элен Рутледж, а Гарри был Авраамом Линкольном. Элен всплеснула руками.

— Это был рай, да?

— Более или менее, — сказала Лидия. — Порой я настолько увлеклась, что любила Гарри так, как Элен должна была любить Авраама Линкольна. Приходилось себя одергивать, вспоминая, что Гарри никогда в жизни не будет осматривать рабынь и что он, великодушный человек в лавке моего мужа.

Он самый изумительный человек на свете, — сказала Элен. — Я никогда таких не встречала.

— Но, конечно, когда играешь вместе с Гарри, нужно заранее быть готовой к тому, что случится после окончания последнего спектакля, — сказала Лидия.

— О чем вы говорите? — спросила Элен.

— Когда представление окончено, — сказала Лидия, — то все, что бы вы там себе ни выдумали про Гарри, — все исчезает как сон.

— Не верю, — сказала Элен.

— Знаю, что поверить трудно, — согласилась Лидия.

Тут Элен вдруг обиделась.

— А зачем вы это рассказываете мне? — спросила она. — Даже если это чистая правда, мне-то какое дело?

— Я... я не знаю. — Лидия явно пошла на попятный. — Мне... мне просто показалось, что вам это будет интересно.

— Ни капельки, — сказала Элен.

И вот подошла премьера. Мы показывали спектакль три вечера подряд — в четверг, пятницу и субботу, и все зрители были прямо-таки сражены наповал. Они ловили каждое слово, верили всему, что происходило на сцене, и, когда малиновый занавес пошел вниз, их можно было теленькими вести в желтый дом следом за Бланш, уводящей сестрицей.

В четверг девушки из телефонной компании прислали Элен двенадцать алых роз. Элен вышла на вызов к краю сцены, взяла розы и выбрала одну — для Гарри. Но когда она обернулась и протянула ему розу, Гарри уже исчез. Это была дополнительная сцена под занавес — девушка, протягивающая розу никому, в никуда.

Я пробежал за кулисы, отыскал ее — она все еще сжимала в руке эту розу. Букет она куда-то забросила. В глазах у нее стояли слезы.

— Что я ему сделала? — спросила она меня. — Разве я его чем-нибудь обидела?

— Да нет, — сказал я. — Это у него такая манера. Как только спектакль кончается, Гарри ударает по всех ног.

— А завтра он тоже исчезнет?

— Не снимая грима.

— И в субботу? — спросила она. — Он же должен остаться на банкет — банкет ведь для всей труппы?

— Гарри в жизни не ходил на банкеты, — сказал я. — После того как дадут занавес в субботу, никто не увидит Гарри до

понедельника, когда он придет на работу в свою лавку.

— Какая жалость! — сказала она.

В пятницу Элен играла намного хуже, чем в четверг. Видно было, что она думает о чем-то другом. Она видела, как Гарри убежал после поклонов. И не сказала ни слова.

Зато в субботу она превзошла самую себя. Как правило, темп задавал Гарри. Но в субботу ему пришлось поднажать, чтобы не опоздать за Элен.

Когда занавес опустился после всех вызовов, Гарри собирался смеяться, но ничего не вышло. Элен не отпускала его руку.

— Ну, мне пора идти, — пробормотал он.

— Куда? — спросила Элен.

— Ну, домой, — сказал он.

— Прощу вас, если можно, пойдите со мной на банкет, — сказала Элен.

Гарри ужасно покраснел:

— Боюсь, что для банкетов я не годюсь, — сказал он.

Куда девался Марлон Брандо! Язык его не слушался, сам он стал робким и перепуганным — словом, он стал тем Гарри, каким всегда был в промежутках между песнями, — и это знал весь город.

— Хорошо, — сказала она. — Я вас отпущу. Но сначала дайте мне одно обещание.

— Какое? — спросил он, и я подумал, что, если она сейчас отпустит его руку, он выскочит в окно.

— Я хочу, чтобы вы обещали подождать здесь, пока я принесу вам подарок.

— Подарок? — повторил он, окончательно впадая в панику. Он дал слово. Без этого она бы не отпустила его руки. И он с несчастным видом стоял на месте, пока Элен ходила в гримерную за подарком. Пока он дожидался, люди все подходили и подходили к нему, повторяя, что он замечательный актер.

Но поздравления его не радовали. Он хотел одного — выбраться отсюда, и поскорее.

Элен вернулась с подарком. Она принесла маленькую синюю книжечку с широкой аллой лентой вместо закладки. Это был Шекспир — «Ромео и Джульетта». Гарри не знал, куда деваться. Ему удалось выдвинуть из себя только «спасибо».

— Я тут отменила мою любимую сцену, — сказала Элен.

— М-м-м, — сказал Гарри.

— Вы не хотите посмотреть, какую сцену я больше всего люблю? — спросила она.

Пришлось Гарри открыть книжку там, где была алая лента. Элен подошла к нему совсем близко и прочла слова Джульетты:

— «Зачем ты здесь и как сюда проник? Ограда триступенно высока, за ней же — смерть, коль кто-то из родных тебя узнает».

Она показала на следующую строчку.

— Ну-ка взгляните, что отвечает Ромео.

— «Крылатая любовь перенесла меня через ограду, — громко прочел он своим обычным, будничным голосом. Но вдруг он весь преобразился! — Для любви нет стен неодолимых; любовь — всегда дерзание, и она прегард не знает. Всей твоей родне меня не удержат, — прочел он и выпрямился и стал на восемь лет моложе, стал смелым и радостным.

— «Но если они тебя увидят, то убьют», — сказала Элен и потихоньку повела его за кулисы.

— «Увы! Твои глаза опасней сотни шагов», — сказал Гарри. Элен повела его к служебному выходу.

— Взгляни поласковей, и все время на свете со мной не спадает», — сказал Гарри.

— «Я все бы отдала, чтобы они тебя не увидели», — сказала Элен, и это были последние слова, которые до нас донеслись. На банкет они не пришли. Через неделю они поженились.

Видно было, что они очень счастливы, хотя по временам порою казалось что-то странное: все зависело от пьесы, которую они читали вместе в это время. Как-то я зашел в телефонную контору — машина опять выписывала идиллические сцены. Я спросил Элен, какие пьесы они с Гарри читали в последнее время.

— На той неделе я была замужем за Отелло, меня любил Фауст и похищал Парис. Скажите, разве я не самая счастливая женщина на свете?

Я сказал, что тоже так думаю и что большинство девушек в нашем городе думают то же самое.

— Им никто не мешал, — сказала она.

— Многие не вынесли бы остроты ощущений, — сказал я. Потом добавил, что меня просили поставить еще одну пьесу.

Я спросил, можно ли пригласить ее и Гарри. Она ослепительно улыбнулась и спросила:

— А кто мы теперь?

Печатается с сокращениями.
Перевод с английского М. КОВАЛЕВОЙ
Рис. В. Колтунова

ВИКИНГИ ПО ВЫХОДНЫМ

Когда раздается низкий и хриплый рев буйволового рога, это значит — можно сходиться. Такой ритуал придумал лондонец Питер Сеймур, президент клуба «Слава викингам». В стародавние времена эти скандинавские воители совершали дальние набеги и не знали себе равных в рукопашном бою. Прочтя об их подвигах, велосипедный мастер П. Сеймур потерял покой. Неужели прервется славная традиция?

Дабы этого не случилось, Питер организовал клуб «Слава викингам». Поначалу туда ухаживать вовлечь лишь шестерых приятелей. А сегодня клуб насчитывает уже три десятка человека, в том числе туда принята 19-летняя студентка из Франции Шанталь Зердutti, проявившая недюжинное дарование в фехтовании на дубинках. Члены клуба регулярно сходятся по субботам стена на стену, ометые в доспехи (для удобства они сделаны не из железа, а из пластмассы: легче носить), с мечами, щитами и булавами в руках. Кроме этих спортивных мероприятий, поклонники викингфов снимают любительские фильмы, читают асту, сати и пытаются вовлечь в свое движение новых энтузиастов. В планах «Славы викингам» — морское путешествие на обшитых шкурами судах по маршруту Англия — Исландия — Гренландия. Для этой цели они собирают со зрителей их еменеджель Каталани в лондонском парке небольшую мзду. «Шкуры сейчас сильно вздорожали», — уточнил президент П. Сеймур.

ШОУ КЛИНТА ШОУ

Клинт Шоу достиг своей цели стать знаменитостью. Он первый гражданин Соединенных Штатов, пересекший страну на роликовых коньках. Шоу рассчитывал пройти 5000-километровый марафон за 56 дней, но график сложился не удалось: слава бежала впереди. Томиящиеся скакой провинциалы устраивали в его честь затейные торжества. А мэр города Флоры провозгласил его почетным гражданином. Поэтому Шоу целые сутки лечил — бесплатно! — в местной больнице от растяжения связок и волдырей на пятках.

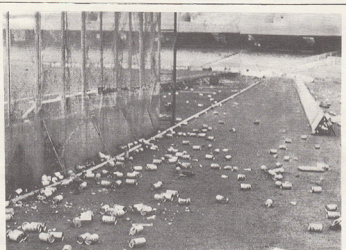

А ЧТО РИСУЮТ?

— Должен вам заметить, что для человека, впервые в жизни попавшего к парикмахеру, вы ведете себя очень мужественно. Рис. художника Уотса журнал «Нью-Йоркер», США

ОПАСНОСТИ СУДЕЙСТВА

Перед началом чемпионата мира по футболу тридцатый его участникам была вручена спецодежда: ярко-голубые костюмы, канареечные с красным рукави и черно-желтые галстуки. Но сюрприз был принят без энтузиазма. Еще бы: по этому костюму оперению «блуждающая» публика без труда могла опознать футбольного судью даже в перерыве время. А история футбола на Западе неспит неспасания

примерами, заставляющими рефери быть как можно незаметнее. По данным журнала «Штерн», начиная с 1945 года от рук буйных болельщиков погибли около 200 футбольных судей! Вот почему, спасаясь от «тифоза», итальянский рефери Джо Белло уезжал со стадиона во Флоренцию переодетым в карабинера, его заодногерманский коллега Клаус Омсен покинул зухсбургский стадион в карете «скорой помощи», а Фердинанда Бишер вынужден в Карлсруэ с помощью... вертолета! Недаром футболь-

ные поля на Западе, как правило, обнесены высокими металлическими сетками. Зачем они нужны, нетрудно догадаться, взглянув на этот снимок. Тысячи банок из-под пива, бутылки, камни летят в судью и игроков с разгорюченных трибун. В прошлом году в Эссене едва не погиб прямо на поле знаменитый вратарь Зепп Мавер — нож, брошенный каким-то болельщиком, просистел мимо. И только чудом унесла голкипер английской команды «Брентфорд», когда в его ворота влетела... граната.

ХОЛЛАНДИЯ ПРОТИВ ГОЛЛАНДИИ

Цветы — немаловажная статья дохода Голландии. Достаточно сказать, что экспорт тюльпанов стоит на девятом месте в списке товаров, продаваемых на мировом рынке этой страной. Тюльпаны, конечно, разводятся и в других странах. В частности, в Англии. По воле случая главный район выращивания тюльпанов в Великобритании носит наименование Холланд. То есть в точности так, как по-английски звучит и пишется... Голландия! А это обстоятельство никак не радует британцев. Как заставить покупателей приобзаваться голландские тюльпаны, а не голландские?

Дабы привлечь внимание к национальной продукции, власти государства Холланд начали устраивать с 1959 года в маленьком родике Спалдинг майские тюльпановые фестивали. По улицам проезжают сложные из тюльпанов фигуры. Цветов ради этого не жалуют, достаточно сказать, что на одну фигуру идет от 250 000 до 300 000 тюльпанов. Темы фестивалей меняются каждый год. Этой весной, скажем, он был посвящен охране животного мира. Вы видите на снимке сложеного из цветов громадного австралийского медведя-коалу (в жизни этот зверь не превышает размерами плюшевого мишку).

Ну а по долгу колюче всем присутствующим раздадут красиво отпечатанную памятку: «Покупайте наши голландские подлинно АНГЛИЙСКИЕ цветы!»

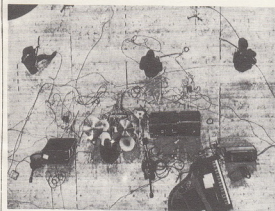

Поколения иностранных туристов любованиясь несметными стадами голубей на площадях Венеции. Но мало что из них отдавал себе отчет в том, чем приходится расплачиваться городу-музею за сохранение этой живой достопримечательности. Голубиный помет медленно, но верно уничтожает барельефы и скульптуры на фасадах старинных зданий. Как будто мало Венеции других бед... В последние годы «жизнучинку Адриатики» усиленно разжигают ее традиционные враги — отравленные промышленными отходами вода и воздух. Рядом с городом вырос крупнейший в Италии нефтехимический комплекс. Его соединили — вопреки протестам ученых — каналом с морем, из-за чего при каждом приливе в венецианскую лагуну поступает дополнительно 30 миллионов кубометров морской воды. Результат: за последние полвека город страдал от наводнений 46 раз (за предыдущие пять десятилетий — лишь семь раз). К тому же из-за откачки подземных пресных вод Венеция осела за последние 25 лет на 10 сантиметров. Сейчас под угрозой гибели находится 650 старинных зданий. На всемогущих хозяев нефтехимических заводов, душащих Венецию, управа пока не найдена. А голуби? Оказалось, что и их не так просто выжить отсюда. У пернатых диверсантов есть мощные покровители — отловки, сбывающие птичий корм. Они всеми мерами тормозят решение «голубиной проблемы». Теперь, наконец, дело сдвинулось к мертвой точке. Городские власти приступили к постепенному отлову и выселению птиц из Венеции. Их будет оставлено ровно столько, сколько нужно для тех, кто приезжает в Венецию сфотографироваться с голубями

ПЕРНАТЫЕ ДИВЕРСАНТЫ

АРСЕНАЛ „ПОП-ЗВЕЗД“

Какова техническая оснащенность современного ансамбля поп-музыки? «Битлаз» обошлась минимумом. «Звездам» сегодняшнего дня одних гитар уже мало. Рекорсменами здесь можно смело назвать английские трио «Эмерсон, Лейк и Пальмер» (ЭЛП). Общий вес их инструментов и оборудования — 35 тонн; обслуживающий персонал — от главного инженера до боя, поднимающего воду разгоряченным артистам, — 50 человек; монтаж технических устройств на сцене и в зале перед началом концерта занимает семь часов. Если выступления неистовых «Ролинг стоунов» называют карнавальным буйством, то для концертов ЭЛП обычно находчивые газетчики пока не нашли подходящего определения. Пианист Кейт Эмерсон, гитарист и певец Грэт Лейк и ударник Кара Пальмер призваны на помощь музыки киноэкран, неожиданные шумовые эффекты вой пианирующего самолета, треск пулеметных очередей — и... дымоные шашки, рушащиеся прямо на сцену. «Но музыка для нас важнее техники», — говорит Кейт Эмерсон и, к нашему удивлению журналистов, добавляет: «И никакие мы не авангардисты, потому что они не будут в саундтреке чувств. Скорее нас можно сравнить с фокусниками, позволяющими публике участвовать в трюках».

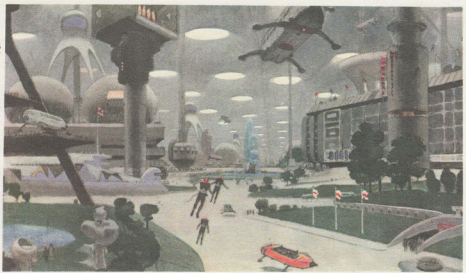
МНЕНИЯ. Если на свете еще и существует место, где не признают теорию эволюции Дарвина, то это, конечно, Дейтон в штате Теннесси. Городок этот печально знаменит своим «обезьяньим процессом». Тогда, в 1925 году, разъяренные обыватели именем закона запретили преподавать в школах города теорию происхождения видов, заявляя, что человека создал бог, и все тут.

Правнук ученого, лондонский биолог Фрэнсис Дарвин, решил в этом году попытаться переубедить дейтонов и привез им фильм «Путешествие Чарльза Дарвина». После просмотра была устроена дискуссия. Закрывая ее, председатель сказал, обращаясь к Фрэнсису Дарвину: «У нас нет сомнений, что создал этот мир бог, но, видимо, делал он это в соответствии с законами эволюции. Публика расходилась довольная».

ЖИТЬ НА ЛУНЕ?

Таким представлял лунный город известный американский фантаст Айзен Азимов. Писатель считает, что наш естественный спутник может стать огромной лабораторией. Отсутствие атмосферы, например, создаст идеальные условия для наблюдения за космическими телами, а структура лунной поверхности подсказывает астрономам ответы на многие вопросы о происхождении и эволюции солнечной системы. Хватит здесь работы и для физиков, химиков, биологов и геологов.

Айзен Азимов предлагает помещать будущие лунные «академгородки» под поверхность нашего естественного спутника, чтобы уберечь ученых от повышенной солнечной радиации, резкого перепада температуры и метеоритного дождя. Что касается трудностей, с которыми придется столкнуться жителям станции, — снабжение воздухом, водой, пищей, — то они разрешимы уже при нынешнем уровне развития науки и техники. Кроме того, человеку, приспособившемуся к жизни в таких условиях, гораздо легче будет потом переключиться на режим длительного космического путешествия.

ТОЧНЫЙ ПРИЦЕЛ «ШОКИНГ БЛЮ»

М. ФРИД

Чтобы диск-жокеи попадали вприсак, такое случается нечасто. Старая формула — «Все знает только господь бог» — в мире поп-музыки идет с добавлением: «...и диск-жокеи». Надо было бы видеть этих самоуверенных поп-музыкальных пастырей, которые не лезут в карман за словом, чувствуя себя перед микрофоном на радио в час очередной своей передачи поистине как на церковном амбоне — торжественно и снисходительно, выше всех, надо было бы видеть их смтение, когда вдруг поплыл «темная лошадка» и было просто неизвестно, какой комментарий пускать в эфир. Песня называлась «Венера». Исполнял ее ансамбль «Шокинг блю». После первых же прогонов по радио редакции развлекательных программ в Европе и Америке получали лавину заявок на ее повторные исполнения. Явный симптом успеха. По всем правилам полагалось бы теперь подробно рассказать об исполнителе, обстоятельно, можно чуть иронически, но и с отеческим напутствием. Еще лучше, когда диск-жокеи скромно признает себя пророком, заявляя: «Ну вот, я всегда говорил, что этот, как его там, «Шокинг блю» еще покажет себя и все такое...»

Но на этот раз сказать было почти нечего. Справочный комментарий отсутствовал. Пели по-английски. Но кто на Западе отважится петь на другом языке, если хочет сойти за «настоящий поп»? Название группы? По нему тоже многого не скажешь. Стандартно-оригинальное, как все прочие: одно слово ударного порядка (вары, кокаут), другое — по части окраски (голубые, красные, сине-зеленые).

Пока — временно — именовали группу американской. А неделю спустя, когда навели справки, ансамбль — победитель конкурса радиопрограмм оказался голландским. Вот уж верно «шокинг», скандальный случай!

Между тем случайная заминка совсем не случайная. Здесь работало золотое правило — нет ничего лучше хорошо подготовленного актера. Вначале — в 1966 году — был гитарист по имени Робби ван Лееуен, который пытался делать музыку в группе полуакадемиков. Как он вспоминал, потом, оркестранты были «шалтай-болати», приходили и уходили, выступления были случайными, как и сами участники. Похоже было, что собрался один неудачник. А это страшная вещь для бизнеса.

Робби решил «выскочить на лодку». Он устраивается в известную фирму грамзаписи «Полидор», где не просто играют и записывают музыку, там ее профессионально продают. Робби наблюдал, как натаскивают ансамбли, как аранжируют вещи, как желанная удача свинчивается по кусочкам. Через год он решил, что пора переходить к делу.

Полагаясь на приобретенные навыки и свое тонкое чутье момента, Робби организует «Шокинг блю» вместе с Класис ван дер Вал (бас-гитарой) и Корнемсом ван дер Беком (ударные). Уже через несколько месяцев их популярным плацдармом у молодежи Браун снова с нами стала популярная работа песни «Люси Голланди. Однако осторожный и основательный Робби ван Лееуен оставался неспокоен — в группе не было привычного вокала. По всем уголкам, в разъездах и понасыщенные разсказывал певцу. Как это часто бывает, нашли у себя под носом, в Таге. Маричка Верес с отличным высоким голосом имела все данные, чтобы стать «звездой» ансамбля. Она поставила в конт-

ракте два твердых условия: во-первых, в течение первого года совместной работы «Шокинг блю» был обязан «хоть кровь из носу» выпустить настоящий хит — вещь, гарантирующую известность; и, во-вторых, оркестрантам строго-настрого запрещалось ухаживать за певцей... Итак, был дан год срока. Маричка, как видите, тоже хотела удостовериться: не попала ли она ненароком в компанию неудачников?

Робби и вся группа постарались доказать обратное. И судьба улыбнулась. Песня «Пришла мне карточка, родная» и «Догадываюсь, почему ты пришла» пришлись по вкусу в Голландии, ну а слава «Венеры» была той самой печатно всемирного успеха и залогом действительного рождения ансамбля. Маричка великолепно осталась. Группа «Шокинг блю» могла жить дальше. «Случайное не когнитно» тоже пригодились, когда группу размыслили: ее запомнили, и не только диск-жокеи. Прицел был точным.

Основательный во всем ван Лееуен не был бы самим собой, если бы не поставила светить своего ребят к той, кто дал им свойственный номеру, — Венере Милоской. Группа отправилась в Париж и погуляла там вокруг Луав. В сам музей попаст не удалось: очередей на восторг бастовали зрители.

...Теперь, когда восторги чуть поутихли, музыковеды обратили внимание на то, что пик популярности «Шокинг блю» точно совпадает с гребнем новой волны рок-н-ролла, накатившей на оба берега Атлантики в самом начале 70-х годов. Но волны моды быстро проходят, и группам, среди которых и «Шокинг блю», стремящимся держать нос по ветру, никак нельзя, подобно мастерам сфринга, цепляться за гребень одной волны, нужно вовремя перескочить на следующую. Следующей была «кантри-энд-вестерн» — в каюдающем ритме нисходящей ковыбойская мелодика западных штатов США с широким напевом, затихающим в зеленой дали прерий. Из этого стиля «кантри», как известно, и народилась в свое время рок-н-ролл.

«Шокинг блю» стиль «кантри» не принес пока заметной удачи. Тем не менее к настоящему моменту голландская группа уже имеет на своем счету три музыкальных альбома.

Все альбомы «Шокинг блю» сделаны по одному принципу: несколько запоминающихся мелодий непременно чередуются с вялыми и бесцветными композициями. Обычный коммерческий бутерброд. Это, кстати, характерно для многих западных пластинок и имеет весьма простое объяснение. Для подавляющего большинства тамошних исполнителей путь к успеху лежит только через список песен-бестселлеров, так называемый «хит-парад». Важнее всего тут — парад 45-оборотных пластинок — «синглов», так как именно на него ориентируются диск-жокеи на радиостанциях и в большинстве дискотек. Вот и приходится ансамбле стараться записывать на маленьком диске много запоминающегося, но, как правило, несложную мелодию, ведь обычно только такие песни имеют шансы стать хитами.

Когда группа или исполнитель достаточно прославился несколькими подобными песнями, фирма грамзаписи решает выпустить долгоиграющую пластинку. В нее обязательно включаются все уже получившие известность хиты, ну а промежутки между ними заполняются чем угодно.

Лучшие песни «Шокинг блю», прежде всего «Венера», затем — «Никогда не выходил замуж за жасминового цветка», были подхвачены многими астральными исполнителями и ансамблями разных стран. Знакомы с ними и советские слушатели — они включались в программы «Маяка», радиостанции «Юность», их исполняют самодельные вокально-инструментальные ансамбли.

НЕМЕН БЕЗ ЗАГАДОК?

Л. ГЕРАСИМОВА,
В. ЗИНЧЕНКО

Коллекция эпитетов, которыми награждала Немена мировая пресса, вряд ли уместна была в рамках этой статьи. Его называли «мятежным духом песни», «патриархом польской музыки «соул», «всегдашней загадкой» и т. д. и т. п. Его пытались и пытаются перманентно ведущие деятели западного «шоу-бизнеса». Скажем, во время гастролей в Мюнхене к нему в номер пришли полным составом музыканты из ансамбля «Булад, Свит иди Тирэ» («Кровь, Пот и Слезы») и предложили место вокалиста в своей группе. Немен отказался.

Что это — Чеслав Немен? Очередной «идол»? Звезда-однодневка пост-битловской эпохи? Как пришел он к вершинам мировой славы?

Его имя все чаще и чаще произносят, когда говорят о новых формах в современной популярной музыке. Путь Чеслава Немена начался 35 лет назад в селе Васильиши, что под Гродно. В этих местах на вопрос: «Кто вы?» — отвечают: «Мы здешние». Здесь, на берегу Немана, поют старинные русские, белорусские, литовские песни. Здесь маленький мальчик Юлиуш Выджицкий, родившийся в семье музыканта, и сам поет в сельском хоре, поражая одесичами силой и красотой своего детского алта. Но после мутания голоса и тяжелой болезни горла о пении, казалось, пришлось забыть навсегда, и он начинает заниматься музыкой в Гродно по классу баяны и домры.

В 1955 году Юлиуш продолжает занятия в Гавельской высшей музыкальной школе. Играл на бас-кларнете в джазовом ансамбле, участвовал в спектаклях студенческого клуба. Репертуар — главным образом песни Латышской эмиграции, боса-нова, рок-н-ролл — стандартные мелодии тех лет.

В 1962 году он участвует в фестивале молодых талантов в Щецине и неожиданно для себя и для всех попадает в «золотую десятку». Так начинается его стремительная, яркая и легкая карьера на исторической сцене.

Он становится ведущим солистом ансамбля «Черно-голубые». В это время Юлиуш начинает сам сочинять музыку. Его первые песни — «Помнишь ли ты меня еще?», «Время как река» и «Знаю, что ты не вернешься» — может быть, еще далеко не шедевры, но в них уже слышны характерные для его творчества славянские темы — эхо родного края.

В 1963 году знаменитый французский импрессионист Бруно Кокарикис приглашает «Черно-голубых» выступить на сцене парижской «Олимпии». Он же попросил парижскую прессу псевдоним, ибо французам трудно выговорить его фамилию. Выджицкий без колебаний ответил: «Немен» — так по-польски звучит название реки, на берегу которой прошло его детство.

Итак, успех. 1965 год приносит ему главную награду песенного фестиваля в Ронне (Франция) — «Серебряный горностай», и специальный приз жюри как самому оригинальному таланту в категории авторов-исполнителей-композиторов. Он выступает по французскому телевидению.

Главный редактор О. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИЗЛОВА, В. А. ДРОБЫЩЕВ, П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКО, С. А. ЧИЖИКОВ.

Художественный редактор О. С. Александрова.

Оформление В. Д. Грызлова.

Технический редактор В. Н. Савельева.

нию. Одну из его песен записывает Марлен Дитрих.

В 1967 году Немен создает в Варшаве свою первую группу «Акваполи». Тогда же на фестивале в Ополе он получил один из главных призов за свою интересную песню протеста «Странный этот мир». В ней слышатся и отголоски музыки славянского романтизма XIX века, и экспрессия Джеймса Брауна, и лирика полонеза, и горечь блатза, а главное в ней — глубокий философский смысл.

Такой странный этот мир.
В нем еще так много зла,
Злым словом можно убить, как ножом.
Но люди доброй воли
Должны победить в себе зло,
Чтобы сохранить мир.
Нет! Нет! Никогда не должен
Поглобить этот удивительный мир!

Эта пластинка разошлась «золотым» тиражом и стала первым хитом Немена, принесшим ему мировую известность. Вторая его пластинка — «Успех» — также становится «золотой».

Летом 1969 года Чеслав Немен делает на родине совместную запись со всемирно известным альт-саксофонистом Збингневом Намысловским. Его новый альбом «Немен. Эпиграфик» («Загадочный мир») становится, по мнению музыковедов, переломным моментом в истории польской популярной музыки.

Надо заметить, что Немен весьма чувствителен к слову в песне и, не доволь-

ствясь так называемыми «песенными» текстами, начал в последние годы писать музыку на стихи известных польских поэтов — классиков и современников.

Заглавная вещь альбома — «Траурная расподия памяти Бема» (генерал, романтичный герой польской истории, символ преданности революции, свободе) — написана на слова известного стихотворения польского поэта XIX века Циприана Норвиды. Оно ошеломляет своей масштабностью, глубиной, эмоциональностью и экспрессией. Критики оказались в затруднении, не зная, к какому жанру отнести это 20-минутное музыкальное произведение. Что это — поп? Джаз? Классика? Возрождение средневековой музыки? Или же синтез всех известных до сих пор жанров и форм? Может быть, именно о такой мистерии мечтал Скрибин, говоря о музыке будущего?

Звон колоколов и головокружительные гитарные пассажи в манере Джона Хендрикса, баховские каденции органа и вакханалия звука в традициях фри-джаза, хор, поющий на латышском языке эпиграф из Гайнибалла к «Раисодии», — Немен создал из редкостно удачной звуковой образ, передающий безутешное горе народа, потерявшего своего вождя.

Так, синтезируя соул и джаз, атональную музыку, блюз, славянские мотивы и живое поэтическое слово, Немен добивается поразительного эффекта, удивляя каждый раз слушателей своей неисчерпаемой фантазией, новизной звучания и безупречным вкусом.

Многие бит-ансамбли начали инструментовать свои мелодии в «стиле Немена». Но сам Немен не считает себя «битовым» певцом. Он говорит: «Я не знаю, что такое «бит-бит». Я знаю одно: любая музыка должна быть хорошей, должна быть добро людям... Я люблю и восхищаюсь Девятой симфонией Бетховена. Но величайшим кладом для меня является Бах. Его тонкую, строгую музыку я сравниваю с негритянским блюзом, ибо в кажущейся монотонности его дуг — множество интересных оттенков, и чувствительного человека эта монотонность может привести в состояние экстаза. То же самое в «Болеро» Равеля...»

Он пишет для театра и телевидения, выступает в бит-музике, сочиняет «Реквием для Ван-Гюга». Его последний ансамбль — «Группа Немена» — это уже в принципе нечто совершенно новое, хотя кое-что от прежнего Немена в ней сохранилось.

Вслушайтесь в музыку Немена, и вы услышите шорох полевых цветов Мазовии и щебет лесных птиц Ополья, мерное дыхание Вислы и трепетный пульс ночной Варшавы. Вслушайтесь в чеканный, торжественный ритм его глубоко патристичных песен, в них есть все и бесконечная чистота дуга, и горячая кровь, как в цвете флаги; гордость за свою отчизну и чувство ответственности за ее покой. Он раскрывает на свою душу...

Адрес редакции: Москва, 103104, Спирidonьевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Переписка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19/III 1974 г. Подп. к печ. 27/IV 1974 г. А07796. Формат 60х90¹/₂. Печ. л. 3 (уч. л. 5.2). Тираж 450 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1732.

Типография изд-ва ЦН ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

«МЫ ПОБЕДИМ» — ПОД ТАКИМ НАЗВАНИЕМ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МУЗЫКА» В БУДУЩЕМ ГОДУ ВЫЙДЕТ СБОРНИК ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ПЕСЕН С ТЕКСТАМИ НА РУССКОМ, ИСПАНСКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ. В СБОРНИК ВКЛЮЧЕНЫ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫЕ ПЕСНИ О ВОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ. ОДНУ ИЗ НИХ МЫ ПУБЛИКУЕМ СЕГОДНЯ.

НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ

Мелодия и слова Валле

Обработка В. Сибирского
Русский текст М. Садовского

2. На земле иссохшей, мертвой
Расцветает бедность,
От сомнений горьких
Никуда не деться.

К землям плодородным
Бедным путь заказан.
Издавна угодно
Это богачам.

3. Ночь к земле его притянет
И слезу осушит,
Он с надеждой встанет,
Вера в день грядущий.

И поидет бороться
За права на землю,
Отступить придется
Жадным богачам.

4. Тем земля принадлежит,
Кто трудится на ней,
Кто без нее не может жить!

Бро - дит он все-гда пе- чаль- ный по стра-не ог-
ром- ной, он в до- ро- ге даль- ней не о- дин без-
дом- ный, лишь не-спра-вед- ли- вость бед- но- го встре-
ча- ет, по стра-не раз- ли- мись го- ре и пе-
чаль. чам, дол- го-
зреан- ный день при- дет, по- бе- ды свет- лый
день и мир от сча- стья за- по- ет. чей